

ПРЕРВАТЬ БЕСКОНЕЧНУЮ ЦЕПОЧКУ УБИЙСТВ

СМАЙЛИК НА АСФАЛЬТЕ

ДМИТРИЙ КОРСАК

Дмитрий Корсак
Смайлик на асфальте
Серия «Расследование вели двое»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67884740

Смайлик на асфальте: SelfPub; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-157170-2

Аннотация

Будни питерского экскурсовода Артема Зубарева в течение пары суток дважды пересекаются с убийствами: сперва в Александровском саду находят мертвую девушку, накануне обращавшуюся к нему за помощью, а затем буквально на его глазах под речной трамвайчик сбрасывают женщину. Случайность? Невезение? Так или иначе, но Артем против воли оказывается вовлечен в череду странных событий, и у вышедшего на пенсию следователя Брагина есть точное и емкое определение для этой череды: серия. Убийств на самом деле куда больше, и связующим звеном между ними является нарисованный поблизости от места преступления смайлик.

Впрочем, похожая серия таинственных смертей уже случалась в Петербурге перед самой революцией – по крайней мере так сказано в случайно попавшем в руки Артему дневнике русского эмигранта. Возможно, именно этот дневник станет ключом к

раскрытию нынешних убийств и разгадке значения нарисованных на асфальте смайликов.

Содержание

1	8
2	32
3	53
4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Дмитрий Корсак

Смайлик на асфальте

© Корсак Д., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Электричка на Зеленогорск задерживалась. Люди на перроне нетерпеливо поглядывали на часы, обмениваясь сердитыми фразами. Миловидная девушка с забранными в пучок светлыми волосами нервно теребила ручку спортивной сумки, из которой торчали цветастые воланы капроновой юбки. «Опять придется оправдываться перед управляющим санатория, – с досадой думала она, – но это еще полбеды, а вот как смотреть в глаза детям, которые ждут представления?»

Хрипло чихнув, репродуктор проскрипел невнятное, и перрон ожил. Старухи, подорвавшись со скамеек, бодро поволокли сумки-тележки к краю платформы, родители крепче схватили детей за руки. Вдалеке показалась гусеница состава.

Девушка закинула на плечо рюкзачок, подхватила сумку и направилась на посадку.

Опасность!

Прямо к ней, уже стоящей на краю платформы, быстрым

шагом направлялся незнакомый мужчина. Надвинутая на глаза бейсболка скрывала лицо, под мышкой – пластмассовая переноска, в таких обычно перевозят кошек. Почти физически она ощутила угрозу, исходящую от незнакомца. Холодные, липкие щупальца страха скрутили живот и потянулись вверх, защемив сердце.

«Беги! Спасайся!» – кричала интуиция, но девушка не шелохнулась.

Не доходя нескольких метров, незнакомец открыл переноску. На платформу выскочили... Она даже не поняла, что это за животные. Коричневатый мех, тупая усатая морда, лысый, похожий на змею, хвост. Шустрые.

– Крысы!

– Ондатры, а не крысы!

– Лови их, лови!

– Ой, они кусаются! – доносилось со всех сторон.

Ондатры заполошно металась по платформе. Одна, высоко подпрыгнув, вцепилась в чью-то ногу, другая пыталась спрятаться среди сумок. Крики, смех, ругань доносились со всех сторон. С визгом в плотную стайку сбились перепуганные дети. Все внимание на перроне было приковано к обезумевшим животным, и только девушка, застыв на месте, не могла отвести взгляд от неумолимо надвигающейся на нее фигуры.

В какой-то момент их глаза встретились. Отчаяние, страх, сомнение, жалость... – сложная смесь чувств отразилась на

мужском лице. Рука, уже тянувшаяся, чтобы спихнуть ее на рельсы, неожиданно крепко схватила за плечо и с силой оттолкнула от края перрона.

– Будь осторожна, тебя хотят убить, – прошептал срывающийся от напряжения мужской голос.

1

Длинные тени деревьев перечеркивали непривычно пустынные улицы – в Петербурге стояло раннее утро. Лишь чириканье воробьев да шуршание поливомоечной машины нарушали утреннюю безмятежность. Позже, когда город проснется, его центр заполнят туристы, а сейчас даже воздух казался чистым и свежим. К сожалению, только казался.

Утро – время дворников и котов. Первые неторопливо прибирали улицы, вторые грациозно потягивались или, обвив хвостом лапы, жмурились на витрины магазинов. Вот и сейчас пара хвостатых – рыжий и черный с белой манишкой – расположились прямо посреди тротуара, вовсе не собираясь уступать Артему дорогу. Артем почесал рыжего за ухом, позволил черному потереться о джинсы и двинулся дальше. Он любил утро. Потому что не нужно продирааться сквозь толпу, следя, не отстал ли кто-то из туристов. Не нужно повышать голос, стараясь перекрычать шум транспорта и уличных музыкантов. И потому что ничто не отвлекало экскурсантов. Вот скажите, разве можно рассказать о тайнах и мистике Петербурга так, чтобы приезжие прониклись духом города, прочувствовали его необычность, когда сзади напирает спешащая в метро толпа, а впереди, бесстыдно фальшивя, гнусавят «Восьмиклассницу» Цоя?! Впрочем, сегодня придется обойтись без мистики, тема сегодняшней экскурсии –

«Криминальный Петербург прошлого».

Артем свернул на Разъезжую и ускорил шаг. Впереди показался серый фасад метро.

Почти вся группа уже собралась возле цветочного киоска. Две девахи за центнер в мешковатых фуфайках – туристки из Монреаля. У одной в руках бутылка колы, наверняка диетической, у другой – пластиковый стакан, вернее, стаканище с кофе. В ушах – наушники, за спиной – рюкзаки, размеру которых мог бы позавидовать среднестатистический питерский дачник. Девахи громко хихикали, каждая о чем-то своем. На них неодобрительно косилась пожилая пара типичных европейских пенсионеров: сухонькая старушка с тщательно уложенными в аккуратную прическу подсиненными волосами и ее спутник – лысый, важный, с заметным пивным брюшком. Это были туристы из Бельгии. Не хватало француза – пятого и последнего члена экскурсионной группы.

Артем нацепил на шею бейджик и изобразил дежурную улыбку.

– Бонжюр, мадам! Бонжюр, месье!

Девахи с удивлением уставились на незнакомого парня – в жизни Артем выглядел моложе своих двадцати семи лет. Футболка с Картманом из «Южного парка» и модные джинсы солидности не добавляли.

Бельгиец поднял брови и выразительно постучал по циферблату наручных часов, украшенному золотистой змейкой. «Роберто Кавалли» – слишком вычурную марку для

пенсионера – Артем узнал издалека. За три года работы с состоятельными туристами хочешь не хочешь, а научишься разбираться и в клиентах, и в брендах. «Кавалли» почему-то любили ворчуны-всезнайки.

– Когда мы отправляемся? – брюзгливо осведомился старик.

Дежурная улыбка на лице Артема сменилась дежурным сожалением.

– Мы должны дождаться нашего гостя из Франции. А пока можем обсудить любую интересующую вас тему. Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. – Французский Артема был безукоризнен.

– Вы плохо следите за домами в центре города. – Придирчивый взгляд бельгийца уперся в здание на противоположной стороне проспекта. – В Европе дома выглядят новее, хотя построены раньше. Это же послевоенная застройка?

Вот свезло так свезло! Такой тип всю экскурсию испортит, подумал Артем, но внешне недовольства никак не выказал.

– Здания дореволюционные, некоторые даже середины восемнадцатого века. По мере возможности город реставрирует фасады, – примирительно заметил он.

– Хм... Я, конечно, понимаю ваше желание выдать желаемое за действительное, так сказать, приукрасить существующее положение вещей, только со мной этот номер не пройдет.

Жена дернула всезнайку за рукав, но старикан уже закусил

удила:

– Про восемнадцатый век можете рассказывать китайцам или своим соотечественникам. О том, что Петербург был полностью разрушен во время Второй мировой, знает любой мало-мальски образованный человек!

– Скажите, какой бы вы посоветовали привезти типично петербургский сувенир? – попыталась сойти с опасной темы жена бельгийца.

– Фарфор Императорского завода, атрибутику «Зенита», иллюстрированный альбом «Эрмитажа»... – начал загибать пальцы Артем, наблюдая, как на другой стороне Лиговского проспекта остановилось такси.

Из машины выскочил темноволосый курчавый живчик, закинул на плечо сумку-планшет и рысью припустил к пешеходному переходу. Полы расстегнутого светло-коричневого пиджачка разлетались на бегу. Не дожидаясь зеленого сигнала, мужчина смело бросился на проезжую часть.

– Думаю, это к нам, – показал Артем на спешащего к ним брюнета.

А тот легко перемахнул через Лиговку, удостоившись всего лишь пары гудков и одного крика: «Мужик, да ты офигел!», и быстрым шагом направился к цветочному киоску. На его подвижном носатом лице блуждала застенчивая улыбка. Артем слегка напрягся: от подобных д'артаньянов так и жди беды. Ну и группа подобралась сегодня!

Поравнявшись с киоском, француз молитвенно сложил

руки:

– Простите, простите, простите!

Из застенчивой улыбка превратилась в обезоруживающую. Причем настолько, что даже бельгиец, уже открывший рот для отповеди, молча задвинул челюсть на место.

Группа была в сборе и жаждала впечатлений.

Артем повел их по Лиговскому проспекту. Обычно он начинал экскурсию с общей обстановки в городе в начале прошлого века.

Полицейская статистика того времени выглядела совсем плачевно. За год в полицию доставлялся каждый шестой житель Петербурга, хотя среди этой армии нарушителей законенных злодеев встречалось не так уж и много. В основном люди задерживались за мелкие нарушения, хотя тяжких преступлений с каждым годом становилось все больше. За первые десять лет двадцатого века количество убийств выросло вдвое по сравнению с предыдущим десятилетием, а самоубийства – страшный грех по тем временам – стали встречаться вчетверо чаще. География зла имела свои четко очерченные городские оазисы, одним из которых и являлась Лиговка.

В полицейском отношении Петербург был разделен на двенадцать частей...

– Прямо как знаки зодиака, – вставила деваха из Канады, с шумов втянув в себя давно остывший кофе.

– Да, как знаки зодиака, – подтвердил Артем.

– Забавно, – прищурился француз. – И что, прослеживалась параллель?

– Не совсем. Точного соответствия «знак зодиака – район города» не существует, хотя попыток составить астрологическую карту Петербурга было множество. Слишком субъективные критерии. Конечно, с некоторой долей уверенности можно сказать, что район Петропавловской крепости соответствовал знаку Рака, это истоки, начало города. Аристократическая Адмиралтейская часть – парадный фасад Петербурга – Лев. Значная Спасская часть, где совершалась треть городских преступлений, – Скорпион. Но я бы не стал проводить точные параллели. Однако мы отвлеклись от нашей сегодняшней темы. Подытожив вступление, можно сказать, что Петербург на стыке девятнадцатого и двадцатого веков являлся криминальной столицей России.

– А сейчас? – живо спросил француз.

– Сейчас? – Артем повернулся к нему. – Сейчас Петербург – культурный, цивилизованный, европейский мегаполис. Ничего похожего на массовую преступность, наводнившую город сто лет назад, сейчас нет и появиться не может.

Группа поравнялась с пятиэтажным желто-охристым зданием. Это был первый адрес в сегодняшней экскурсии. В начале двадцатых годов в доме располагалась самая известная в городе «малина» – притон-убежище банды Ивана Белки, одной из самых свирепых и опасных в Петрограде того времени. Главарь считался королем преступного мира, а его

шайка держала в ужасе всю столицу. Выдавая себя за сотрудников ЧК, пришедших с обыском, бандиты вламывались в квартиры, убивали и грабили жильцов. В лучшем случае после такого визита ограбленные получали расписку: «...ивица в комнату... на Гороховую дом 2, к товарищу...» (на Гороховой тогда находился штаб ЧК), в худшем – свидетелей убивали. Ликвидировал банду молодой следователь Иван Бодунов. Он сумел выследить бандитов, а затем организовал штурм дома, где проходила сходка. В результате страшной перестрелки Белка, две его боевые подруги и два десятка бандитов погибли, остальные были отданы под суд и расстреляны.

Артем привел туристов сначала во двор дома, а затем и на чердак – была договоренность с владельцем квартиры, оборудованной прямым выходом. Тусклая, едва разгоняющая сумрак лампа с оранжевым абажуром, мощные деревянные перекрытия, круглый массивный стол, старинные кресла с вытертым бархатом и вензелями впечатлили туристов. Они ловили каждое слово Артема, представляя бандитов, делящих золото за огромным столом, во главе которого в кресле по-хозяйски развалился сам Иван Белка. На улицу они вышли заметно притихшими.

Продвигаясь от одного здания к другому в сторону Сенной площади, Артем рассказывал о притонах, публичных домах, убийствах, бандитских налетах. Последним, завершающим аккордом экскурсии была «Вяземская лавра» – целый

район, разделенный закоулками и проходными дворами за Сенной. Глядя на чистенькие, аккуратные фасады Московского проспекта, с трудом верилось, что когда-то здесь находилось «дно» Петербурга – ночлежки, притоны, бордели самого низкого пошиба.

Три часа, отведенные на экскурсию, прошли быстро. Пожелав туристам приятного отдыха, Артем мысленно распрощался с ними. Девахи, едва кивнув, рванули в ближайший ресторанчик быстрого питания, пенсионеры, скупно поблагодарив, двинулись в сторону Адмиралтейства, а француз явно никуда не торопился. Подождав, когда все разойдутся, он подошел к Артему.

– У меня к вам деловое предложение. Может быть, кофе?

Очередная обезоруживающая улыбка, и Артему ничего не осталось, как молча кивнуть в ответ. Надежда подремать днем, как он обычно делал после утренних экскурсий, стремительно таяла.

Выцепив взглядом только что открывшийся ресторан, француз приобнял Артема и, словно старого приятеля, энергично потащил через площадь к столикам на веранде. Сделав заказ, он вдруг посерьезнел. Вместо напористого д'Артаньяна перед Артемом оказался умный и осторожный Атос.

Теперь он не спешил. Дождался, когда официант расставит на столе чашки, буркнул стандартное «мерси» и задумался. К кофе он не притронулся. Зато Артем потянулся к чашке и с наслаждением вдохнул кофейный аромат. Раз уж

поспать не удастся, то хороший кофе сейчас будет как нельзя кстати.

– Меня зовут Морис Дальбан, я журналист. – Француз поднял глаза над чашкой. – Пишу нон-фикшн, в основном отслеживаю параллели между современным миром и прошлыми веками – политика, искусство, нравы, криминал.

Он покопался в своей сумке и выложил на стол книгу в глянцевом переплете, перевернув ее обратной стороной обложки наверх. С фотографии на Артема смотрел Морис, ниже по-французски значилось «Морис Дальбан, журналист, историк, писатель». На фото он выглядел чуть моложе и чуть растрепаннее.

– Сейчас я собираю материалы о криминальном Париже начала двадцатого века и об одном из своих предков в частности, – продолжал Дальбан. – Он был известным и довольно успешным детективом. Недавно мне в руки попали записки бывшего заместителя начальника криминальной полиции Петрограда. После революции судьба занесла этого несчастного человека в Париж, где он помогал в расследованиях моему прадеду.

Он вновь зарылся в свою сумку, и на стол рядом с книгой легла тетрадь в кожаном переплете с потертыми углами.

– Я хочу, чтобы вы перевели для меня эти записи.

Артем взглядом попросил разрешения и, получив одобрительный кивок, отогнул язычок замка. Пожелтевшие от времени страницы были плотно исписаны торопливым разма-

шистым почерком. Вполне читаемым, к счастью.

– В Париже закончились знающие русский язык? – усмехнулся он.

Дальбан поморщился.

– Можно и так сказать. Закончились способные перевести адекватно. Потомки иммигрантов давно стали французами и забыли родной язык, да и кто сейчас разберется в реалиях столетней давности? Фраза «на ее плечи была накинута ротонда» вводит их в ступор, потому что для них ротонда – архитектурное сооружение. Впрочем, большинство не знают и этого. Тут нужен историк, вернее, даже не столько историк, сколько краевед вроде вас. Вы чувствуете себя как рыба в воде в той эпохе – я сегодня убедился в этом – и отлично знаете французский. Откуда, кстати?

– Бабушка преподавала.

– А история города?

Артем пожал плечами.

– От деда. Он увлекался и вот – втянул.

– Вот видите, лучше вас мне никого не найти! – обрадовался Дальбан. – У меня уже была одна неудачная попытка с переводом несколько месяцев назад в Париже. До сих пор от девушки не получил ни строчки.

Француз в очередной раз простодушно улыбнулся, а затем, посерьезнев, назвал сумму. Вполне достаточную для того, чтобы Артем вновь потянулся к тетради.

– Сроки?

– Я не тороплю, смотрите сами, как пойдет. Неделю, а то и больше я пробуду в Петербурге, я остановился в «Кемпински» на Мойке. Если возникнут трудности с текстом, можете просто наговорить на диктофон.

Легко сказать – просто наговорить...

– Ладно. Попробую.

– Отлично! Замечательно! – расцвел Дальбан.

– Не жалко отдавать? – Артем показал глазами на лежащую на столе тетрадь.

– Жалко.

Дальбан убрал тетрадь в сумку, вместо нее на стол легла современная пластиковая папка.

– Я сделал для вас копию, – пояснил он.

Артем поднялся, собираясь уходить. На лице француза промелькнула едва заметная улыбка, но взгляд был цепкий, пристальный.

– Значит, говорите, никаких странных смертей и тайн в нынешнем Петербурге нет? Все осталось в прошлом?

К чему он клонит? Не просто же так спрашивает во второй раз... Впрочем, какая разница.

Дальбан быстрым шагом удалялся в сторону канала. Артем проводил его глазами, сунул папку под мышку и побрел домой.

Две комнаты или, как теперь принято говорить, студии в красивом здании на набережной Фонтанки принадлежали семье Зубаревых еще до революции. Артему они достались

от бабушки – коренной петербурженки. Во время учебы в университете он часто оставался ночевать у нее – жаль было тратить время на поездки до Гражданки, где обосновались родители, – а после смерти бабушки уже окончательно перебрался на Фонтанку. В одной студии он жил сам, другую использовал для деловых встреч.

Диплом историка открывал перед Артемом не слишком много перспектив. Еще в университете он понял: скучать в архиве или объяснять двоечникам, что Ганнибал, карфагенский военачальник, и прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал – совершенно разные люди, не для него. Проучившись год в аспирантуре, он махнул рукой и на науку. К этому времени Артем окончательно определился: он хочет быть вольной птицей – заниматься тем, что нравится, работать столько, сколько хочется. Тут и пригодилось отличное знание города и французского языка. Посмотрев, что предлагают турфирмы, он быстренько сообразил несколько нестандартных экскурсий с красивыми названиями и разместил объявление на сайтах, предлагающих услуги иностранным туристам. Цену поставил высокую, тем самым сразу заявив уровень. Нельзя сказать, что клиенты стояли в очередь, но и простоя не было. Весной и летом приходилось трудиться от восхода до заката, а частенько и ночью – туристы обожали смотреть на развод мостов. Зимой работы было меньше. Иногда, в основном осенью, когда в Питере шли затяжные дожди, на Артема наваливалась хандра, и тогда он валялся на тахте днями

напролет. Родители такой образ жизни не одобряли. Особенно душевной была мамина забота с частыми и навязчиво-долгими телефонными звонками.

Родители не раз предлагали Артему продать комнаты и на вырученные деньги приобрести квартиру в новостройке, но он каждый раз отказывался. Плотнo стоящие ряды однотипных коробок где-нибудь в Мурино или на Парнасе его совсем не привлекали. У здания, считал он, должна быть индивидуальность – характер, история, судьба, не говоря уже о внешности. У дома на Фонтанке все это имелось. Редкого для Петербурга светлого оттенка, украшенный рустом и полуколоннами, дом помнил двух последних царей и смуту революции, вместе с ленинградцами пережил блокаду, каким-то чудом устояв под обстрелами. До революции здесь жили семьи предпринимателей, чиновников, инженеров. На втором этаже принимал больных модный в те годы доктор. Затем в квартирах появились совсем другие лица, да и сами квартиры стали иными – превратились в огромные питерские коммуналки.

За годы советской власти дом обветшал, облупился фасадом, а затем на него положили глаз нынешние дерзкие и эффективные риелторы. Включили в какую-то программу, пробили капитальный ремонт от фундамента до крыши и занялись расселением коммуналок. Постепенно, этаж за этажом, квартира за квартирой, дом превращался в нечто среднее между офисным зданием и апартаментом. Вскоре из старых

жильцов в бывшей коммунальной квартире остался только Артем, остальные комнаты были выкуплены «эффективными». Но, как ни склоняли его родители и риелторы к продаже комнат, он не соглашался. Более того, доплатил «эффективным» за ремонт и стал обладателем двух полноценных студий в историческом центре, что для одинокого молодого человека считалось чрезмерной роскошью.

Для жизни Артем купил тахту и зеркальный шкаф-купе во всю стену – «раздвигающий пространство», как сказал продавец, – обзавелся маленькой кухонькой с барной стойкой вместо стола. Возник вопрос, что делать с бабушкиной мебелью. Себе – не нужно, отдать-продать – жалко. Да и неправильно это – получается, вроде как продаешь память. Впрочем, сомнениями он мучился недолго, уже вскоре его необычное хобби потребовало офиса или кабинета.

Астрологией он увлекся еще на третьем курсе университета. Началось все банально – с желания развенчать шарлатанов. Сначала они втроем – Артем, Гарик с матмеха и Кирилл с астрономического – организовали страничку «ВКонтакте», а затем блог. Гарик, раздобыв базы данных жителей города, доказывал, что никакой связи между данными гороскопа и событиями жизни не существует. Кирилл упирал на физические законы – если Луна еще могла оказывать воздействие на живых существ в силу своей близости к Земле, то планеты и тем более звезды, удаленные на десятки и сотни световых лет, точно не при делах. А Артем просто инте-

ресовался всем подряд, без какой бы то ни было системы. Вскоре он с удивлением заметил, что астрология работает. Нет, он вполне доверял Гарику, не нашедшему никаких закономерностей, только почему-то получалось, что астрология, пасуя на больших массивах данных, давала отличный результат, стоило начать рассматривать гороскоп конкретного человека.

– Ты подгоняешь данные под известный результат, – пытался возражать Гарик. – Ты знаешь, что Пушкин стрелялся в тридцать семь, и находишь этому подтверждение в положениях планет, а надо наоборот – сначала «увидеть» событие в гороскопе.

Это оказалось совсем непросто. События путались. Одинаковые положения планет давали огромный разброс в жизни: рождение ребенка проходило под теми же аспектами, что и издание романа, развод ничем не отличался от расторжения делового партнерства, а спрогнозированная болезнь в реальности оборачивалась финансовыми потерями. Но постепенно Артем научился «читать» гороскоп. Только объяснить, как он это делает, он не мог. «Обычная интуиция», – фыркал Гарик. Однако Артему хотелось верить, что звезды начали ему доверять.

Кирилл вскоре потерял интерес к блогу и с головой ушел в науку, Гарик продержался дольше, но его разоблачительные статьи вызывали шквал негативных комментариев. Зато все, что делал Артем, воспринималось на ура.

Как-то незаметно блог стал приводить к Артему клиентов. Поначалу, чтобы набрать статистику, он составлял гороскопы всем подряд, выпытывая у людей подробности биографии. Затем просчитал весь курс на совместимость. Потом за советом потянулись знакомые, а то и вовсе незнакомые люди. Вот тут-то и понадобился офис. Друзей он мог принять на кухне, открыв пару банок пива, а как быть с посторонними?

Бабушкина мебель тоже пришлась кстати. Буфет из мореного дуба был превращен в солидный книжный шкаф, на массивном столе появился рабочий компьютер с маленьким принтером, обтянутое кожей старинное кресло придало рабочему кабинету солидность, а его хозяину весомость. Оказавшись в кабинете впервые, посетители с уважением поглядывали на Артема – перед ними сидел не выскочка с мебелью из ИКЕА, а солидный человек, с корнями.

Сегодня также ожидался клиент. Вернее, клиентка. Как откажешь, если девушка пишет, что ее хотят убить?

Артем поднялся к себе на третий этаж и открыл дверь, ведущую на личную половину. Бросил на тахту папку с воспоминаниями петербургского сыщика и отправился в душ. Проинспектировал холодильник и кухонные шкафы на предмет съестного. Выбор, как всегда, оказался не ахти: пельмени – «Классические» или «Фирменные». Зажмурившись, он решил довериться случаю – протянул руку и нащупал пакет. На этот раз повезло «Фирменным», но не повезло ему – пельме-

ни оказались наполовину слипшимися. Зато свежесваренный дарджилинг, как и всегда, не подвел.

До прихода клиентки еще оставалось немного времени, можно и подремать. Спину кольнул острый пластиковый угол. Он совсем забыл про папку!

Намекаешь, что нужно тебя прочесть? Ладно, так и поступим. Протянув руку, Артем вытащил первую страницу.

Почерк беглый, разгонистый, с сильным наклоном, как будто пишущий куда-то торопился. Буквы мелкие, словно бисер, нанизанный на нитку.

«Сегодня французские власти обратились ко мне с просьбой помочь. Ни минуты не раздумывая, с чувством признательности я принял предложение. Моя жизнь в Париже была серой и никому не нужной. Мои знания, опыт, репутация здесь ничего не стоили. Я влачил бесцветное, жалкое существование вдали от близких, перебиваясь случайными заработками. В отличие от иных своих соотечественников я прибыл во Францию нищим, практически без средств. Единственным моим багажом, с которым после долгих мытарств я оказался на чужбине, были мои воспоминания».

Просмотрев по диагонали еще пару страниц, Артем потянулся и взглянул на часы – пора перебираться на рабочую половину. Перевод подождет. Главное – каракули читаемы.

Он надел чистую футболку, пригладил волосы и открыл дверь, соединяющую комнаты. Включил ноутбук и загрузил рабочую программу. Экран отозвался характерным рисун-

ком – кругом, разделенным на двенадцать частей. Голубая кайма пестрела значками планет и знаков зодиака. К приему клиента готов, усмехнулся Артем.

Через открытое окно с французским балконом доносился городской шум. Пара средних лет, сверяясь с картой на экране смартфона, неспешно брела в сторону Невского. Это туристы. Навстречу им попала женщина с коляской. Мужчина с пакетом «Дикси» торопливой походкой скрылся под аркой соседнего дома. Никто из них не нуждался в услугах астролога. Зато одна из двух спорящих на набережной блондинок вполне могла оказаться его клиенткой. Та, что поярче и потемпераментнее, увещевала вторую, более спокойную и нерешительную. Она хватала подругу за плечо, что-то доказывала, энергично жестикулируя, пыталась заглянуть в глаза, когда та отворачивалась. Наконец девушке это надоело. Она недовольно фыркнула и бодрым шагом направилась к пешеходному переходу.

«Похоже, ко мне спешит», – хмыкнул Артем.

Оставшаяся девушка облокотилась о гранитный парапет, повернув лицо к солнечным лучам. Артем невольно залюбовался ею. Тонкие черты, выгоревшая прядь у виска. Простая белая рубашка с закатанными по локоть рукавами оттеняла светлый северный загар. Красавицей незнакомку, пожалуй, назвать было нельзя, но в ней чувствовались естественность и трогательное, ранимое очарование – большая редкость в эпоху пластики и силикона. Глядя на девушку, хотелось рас-

править плечи и загородить собой ото всех невзгод мира.

Он оказался прав – звонок в дверь не заставил себя ждать.

– Добрый день, – поздоровался Артем, пропуская клиентку. – Вы Ольга?

Та энергично кивнула, смело шагнув за порог. По всей видимости, она была из тех людей, что в любой обстановке чувствуют себя как дома: никакой неловкости. Расположилась на бабушкином кожаном диване, забросила ногу на ногу и, окинув взглядом комнату, подвела итог:

– А неплохо!

Посетительница продолжала без стеснения разглядывать обстановку.

– Кто-то известный? – спросила она, остановив взгляд на картине.

Морской пейзаж достался Артему от деда – тот был дружен с художником.

– Не совсем, но имеет шансы таким стать лет эдак через пятьдесят, – буркнул он, усаживаясь в кресло. – Давайте все же ближе к делу. Вы написали, что вас беспокоит конкретная проблема.

– Угу, – кивнула клиентка. – Мне кажется, меня собирались убить, столкнуть под поезд. Хотелось бы знать, стóбит ли бояться за свою жизнь и кто на меня имеет зуб. И если стóбит бояться, то как избежать проблем.

Она переменила ногу и уставилась на Артема. Густо подведенные черным глаза смотрели заинтересованно, оценива-

юще, на ярких губах играла слегка вызывающая улыбка. И ни капли испуга на лице.

Программа вывела на экран построенный гороскоп – дату и время рождения Ольга назвала вчера в письме. Только еще вчера, изучая гороскоп, у Артема сложился совершенно другой образ, и девушка, которая сейчас сидела в кресле напротив, на него совершенно не походила. У сегодняшней «Ольги» в характере явно преобладала стихия воздуха, а в построенном гороскопе большинство планет были распределены между водой и огнем. И никакого воздуха.

Артем назвал дату.

– Что происходило в вашей жизни в этот период? – спросил он.

– М-м-м? – Клиентка вопросительно выгнула аккуратно прорисованную бровь. Судя по всему, она подсчитывала, сколько ей тогда было лет. – Да вроде ничего особого не припоминаю...

Еще одна дата, тремя годами позже.

– А здесь?

– О, это просто! Переехала в Питер и поступила в институт. Хотя нет... Это было на год позже...

Артем поднялся и подошел к окну. Подруга лже-клиентки – он уже не сомневался, что у него в кресле сидит кто угодно, только не Ольга, – все еще была на набережной. Она медленно прогуливалась вдоль парапета, поглаживала ладонью нагретый на солнце гранит и провожала взглядом речные

трамвайчики. «А вот эта девушка вполне может оказаться обладательницей гороскопа», – пришла неожиданная мысль.

– Значит, так, – спокойно сказал Артем, вернувшись за стол. – Пусть ваша подруга поднимается к нам, тогда и продолжим.

– Но...

– Или вы будете настаивать, что это ваш гороскоп?

Девушка вскочила. Через несколько секунд хлопнула входная дверь.

Вновь небольшой спор на набережной, еще более энергичный и убедительный, чем первый, после чего в кресле сидела уже настоящая Ольга.

Серые глаза смотрели внимательно и настороженно. Длинные тонкие пальцы сцеплены в замок на коленях – посетительница явно нервничала.

– Да, это я вчера договорилась о встрече, Оля ничего не знала. А сегодня не захотела идти, вот и пришлось мне вместо нее. Кстати, меня Ириной зовут, – заявила лже-клиентка, хотя Артем ее ни о чем не спрашивал. – А что еще оставалась? Ее ведь хотели убить!

Сказанное стоило принять за извинения, если бы не вызывающий тон.

– Так уж и убить? Тогда в полицию надо, а не гороскопы строить, – проворчал Артем и повернулся к Ольге: – Вам действительно угрожали?

– Теперь даже не знаю. – Голос девушки звучал тихо. –

Поначалу мне казалось, что это так, но потом... Может, я все нафантазировала и никто не собирался сталкивать меня с платформы? Была паника из-за сбежавших ондатр, все толкались, кричали... Нет, глупости все это...

– Глупости – не глупости, сейчас разберемся.

– Можешь сказать, что за тварь Ольке вредит? – Ирина по-простому перешла на «ты». – Олька ведь тихоня, у нее и врагов-то нет. Ни отвергнутых поклонников, ни профессиональных конфликтов, вообще ничего, мы вчера уже всех знакомых перебрали. И завистников нет. Кто будет завидовать безработной актерке? Как же ту тварь должно корезить, если она киллера подослала... Да и киллер какой-то странный – взял и вдруг передумал.

– Давайте все же сначала откорректируем гороскоп, – прервал Артем нескончаемую болтовню. – Что все-таки случилось в августе одиннадцатого?

– Умер отец.

– А в Питер вы переехали в июне четырнадцатого? Правильно?

Ольга кивнула.

– Отлично.

Артем запустил программу транзитов и теперь наблюдал за движением планет. Стоп. Он нахмурился. Увиденное ему не понравилось. Напряженные аспекты Марса и Плутона – похоже, Ольге действительно грозила опасность. Но при этом ситуация выглядела так, что самого страшного можно

избежать. Никакой фатальной неотвратимости гороскоп не показывал, многое, если не все, зависело от действий самой Ольги и тех, кто окажется рядом с ней. Да и Белая Луна – символический ангел-хранитель человека – занимала в гороскопе сильную позицию. Но Белая Луна – не панацея от всех бед, это только шанс на спасение, которым еще нужно суметь воспользоваться.

– Ну, что там?

Ирина вытягивала шею, норовя заглянуть на экран.

– По-моему, опасность вполне реальна, – Артем тщательно подбирал слова. – Вам бы поберечься. Сейчас я попробую подобрать безопасное место. Вернее, совсем проблем избежать не удастся, но можно снизить риски, переведя проблемы восьмого дома на какой-то другой – седьмой или, если получится, даже шестой. Это можно сделать, уехав на время из города. Восьмой дом связан с угрозой жизни и здоровью, именно по нему сейчас проходит негативный транзит Плутона. Шестой – работа, седьмой – брак. Нужно только подобрать правильные географические координаты.

Он вопросительно посмотрел на девушек.

– Звучит как какая-то тарабарщина, но я за, – решительно тряхнула челкой Ирина. – Мужа у Ольки нет, работы тоже, так что подбирай.

В комнате надолго повисла тишина.

– Вот. – Артем оторвал взгляд от экрана. – Кипр и Анталья вполне подойдут.

– Не подойдут, – очнувшись, заупрямилась Ольга. До этого момента она сидела, задумавшись, лишь изредка крутила простенькое колечко с синим камушком на безымянном пальце. – Денег нет, загранпаспорт просрочен. И вообще я никуда не собираюсь.

– Но тогда хотя бы уезжайте из Петербурга куда-нибудь за город, измените свои привычки. И никаких людных мест. Вокзалы, площади, стадионы, концертные площадки – все, что связано с Плутоном, исключить. На неделю как минимум... Что такое?

Ольга категорично мотала головой.

– Не получится. Мне сегодня выступать на Дворцовой. Я с таким трудом нашла подработку, а теперь все бросить? Чтобы больше меня никуда не взяли? И переехать мне некуда.

– Ой, действительно, у тебя же сегодня вечером представление на Дворцовой, – всполошилась Ирина.

– На Дворцовую вечером точно не стоит, – поддержал Артем.

Ольга вновь покачала головой.

– Если не хотите слушать советы, зачем было приходить? – в сердцах бросил Артем.

Он поднялся и подошел к окну. Поморщился с досадой – не удалось ему убедить Ольгу, что положение серьезно. А в том, что оно серьезно, он не сомневался.

2

Звонок мобильного не разбудил его, Брагин не спал, просто лежал с открытыми глазами, думая, чем занять нынешний день. Уже больше месяца на пенсии, а привычка просыпаться в одно и то же время никуда не делась. Солнечный свет, проникая сквозь неплотно сходящиеся портьеры, прочертил на паркете косую линию. Каждое утро весь последний месяц он наблюдал за этим солнечным зайчиком и теперь безошибочно мог назвать время. Сейчас было начало восьмого. Брагин протянул руку и нащупал на тумбочке вибрирующий аппарат.

– Слушаю.

– Подъем, Сергеич. – Голос участкового в трубке прерывался шумом проснувшегося мегаполиса. – Ты просил позвонить, если что случится. Вот, случилось.

– Когда?

– Похоже, ночью. Давай быстрее, может, успеешь до приезда следователя.

– А кто у нас следователь?

Участковый назвал фамилию.

– Кравченко? Не знаю такого.

– Из молодых да ранних. Эффективно-дефективных. Пришел сразу после твоей отставки.

Брагин поморщился – не любил, когда ему напоминали

об отставке. Сейчас, спустя месяц, он уже жалел, что пошел на принцип. Уступил бы, как ему советовали, – может, и работал бы до сих пор в Следкоме. И сегодняшнее убийство расследовал бы сам, а не этот «эффективный». Но нет, уперся как осел: «Если закроете дело, уволюсь». Глупо, по-мальчишески вышло, совсем несолидно для подполковника за пятьдесят. От расследования его тогда отстранили, сказав: «Незаменимых нет. Сам виноват». Потом, при закрытых дверях, кулуарно, начальство сетовало: «Вот зачем ты так, Сергеич? Зачем на принцип? Ты же нам не оставил другого выхода. Дело резонансное, результат нужен быстро. Что тебе мешало закрыть его, а потом потихоньку дорасследовать, если уж душа требовала? Оказался бы прав, привел бы убедительные доказательства, открыли бы дело заново, какие проблемы?»

Да, много он совершал глупостей, и эта была из самых-самых. Только он и тогда был уверен в своей правоте, и потом, когда нашли второй труп, – аккуратно на следующий день после увольнения. Он тогда вновь попытался поговорить с начальством – убедить объединить дела, – да только его вежливо выпроводили: «Ушел на пенсию? Вот и отдыхай, без тебя разберемся». А теперь, получается, уже третье убийство... Так что же он сидит?

Брагин засуетился. Тапок у кровати, как всегда, не оказалось... К черту тапки! Босыми ногами он зашлепал по паркету. Наскоро умылся, пригладил редеющие на макушке во-

лосы. Кофе?.. Нет времени. Брюки и свежая рубашка, приготовленные с вечера по заведенной издавна привычке, висели на створке шкафа – так быстрее. Он завертелся в поисках пиджака. И только когда обнаружил пропажу на вешалке в шкафу, сообразил, что уже месяц не надевал его. Это когда каждый день ходишь на службу в Следственный комитет, без пиджака никак, а когда в ближайшую «Пятерочку» да просто прогуляться – то и обычная рубашка сойдет. Без галстука. Брагин схватил со стола телефон и ключи от старенькой «шевроле» и, ругая себя за медлительность, бросился к двери.

И все-таки он опоздал...

Александровский сад выглядел по-утреннему безлюдным, лишь возле одной скамейки собралась целая делегация. Светлые рубашки полицейских были заметны издалека. Рядом с ними опирался на метлу дворник в ярко-оранжевой жилетке до колен.

Полицейский постарше, заметив подполковника, приветливо кивнул, а затем извиняюще развел руками и качнул подбородком в сторону молодого человека в сером костюме, бодро наговаривающего отчет на диктофон: дескать, я тебя предупреждал, чтобы поторопился.

– Здорово, Васильич. Где? – спросил Брагин, подходя к пожилому участковому.

– Ты про что? Знак – на фонтане, а труп – на скамейке, – хмыкнул участковый.

Брагин оглянулся. На гранитной чаше фонтана действительно чья-то варварская рука оставила смайлик необычной формы. И этот смайлик нагло ухмылялся прямо в лицо мертвой девушке на скамейке.

Старинное платье с пышной юбкой и открытыми плечами. Руки в длинных шелковых перчатках сложены на коленях. Голова с громоздким белым париком, украшенным стразами, наклонена вниз. Поза спокойная, словно барышня эпохи императрицы Екатерины в перерыве между мазуркой и кадрилию присела на скамейку передохнуть и неожиданно сомлела.

– Почему она так странно одета?

– Вечером на Дворцовой давали представление. Устраивают в угоду иностранцам, всё белые ночи отмечают, никак не наотмечаются, – проворчал участковый.

– Когда обнаружили труп?

– Да вот когда я тебе звонил, примерно тогда и обнаружили. Смотри сам: дворник вышел на работу в семь, а она тут – сидит, ручки сложила. Он меня сразу и набрал. Я сначала хотел молодого отправить, – участковый кивнул на своего напарника, – но потом решил сам посмотреть. Минут через десять был у фонтана, сразу тебя и набрал. Позвать дворника?

– Потом.

Брагин окинул сидящую фигурку жадным взглядом, натянул перчатки и двинулся к скамейке. Аккуратно прикос-

нулся к холодному плечу. Была у него такая фишка – начиная расследование, непременно дотронуться до покойника. Вроде как поздороваться.

– Почему здесь посторонние? Немедленно покиньте площадку! – прозвучал окрик за спиной.

С лицом, не предвещавшим ничего хорошего, к подполковнику направлялся молодой «эффективный» следователь.

– Какой же это посторонний, товарищ капитан, – вступился за старого приятеля полицейский. – Это же Викентий Сергеевич, подполковник, он в Следкоме еще тогда работал, когда...

Участковый, не договорив, проглотил конец фразы – не стоило конфликтовать с тем, кто здесь главный.

Красивое лицо следователя исказила гримаса недовольства.

– Если вы не в состоянии обеспечить порядок, я буду вынужден доложить о препятствии следствию, – отчеканил он.

– Сергеич, ты... пожалуйста... – В голосе участкового слышались просительные нотки.

Брагин с неохотой отошел в сторону.

Увидеть удалось немного. Поза расслабленная, девушка будто заснула, рядом на скамейке шприц. На открытых частях тела – шее и руках – никаких следов насилия, значит, она не сопротивлялась. Выражение лица спокойное, даже сквозь толстый слой грима это было заметно. Получается, она сама пришла сюда с Дворцовой, сделала себе укол, от-

ложила шприц и отдала Богу душу. Самоубийство, намеренное или случайное. Именно такая картина возникала перед глазами. И именно ее хотел создать убийца. Да, убийца, ведь пришла она сюда, к фонтану, не одна. Брагин был уверен в этом, потому что преступник оставил знак.

Так. Убийца привел ее к фонтану. Усадил на скамейку и... Да, что «и»? Кстати, когда они пришли? Наверняка когда представление закончилось. А когда оно закончилось, около фонтана еще прогуливались люди. Лето, отличная погода, зачем сразу расходиться? Вон, банки пивные на газоне, обертки, фантики. И никто не заметил, что девушка мертва? Впрочем, могли и не заметить. Хоть и лето, но белые ночи позади, все-таки уже сумрачно. А, может, они сидели рядышком на скамейке до тех пор, пока сад не опустел? Зачем же она с ним столько времени сидела? Или это был ее знакомый? Или втерся в доверие так, что она ничего не заподозрила? Одни вопросы без ответов.

Подполковник отошел к томившемуся бездельем дворнику. Тот щурил на солнце и без того узкие глаза, с тоской поглядывая на мусор на газонах.

– Это надолго. – Брагин протянул мужчине початую пачку сигарет.

От сигарет дворник отказался, и подполковник убрал пачку в карман. Врачи давно намекали, что пора завязывать. «Сердце у вас одно, второе не вырастет», – говорили ему. Врачам он доверял и старался следовать советам. Курил

лишь в таких случаях, как сегодня, когда нужно расположить к себе свидетеля. А это вроде и не курение, а профессиональная необходимость.

– Когда же убирать-то? Начальство придет, а у меня тут мусор. Премия тью-тью, – жалобно проблеял дворник.

– А ты начальство к участковому посылай или еще дальше – к следователю, капитану Кравченко. Вон он со смартфоном стоит, красивый такой, – хмыкнул Брагин. – Скажи, следователь ни в какую не разрешал метлой трудиться, велел стоять при нем по стойке «смирно». И при этом строго так сказал: если будут лишать премии, то сразу звони в прокуратуру или лично ему.

– А он точно такое говорил? – недоверчиво спросил дворник.

– Точно-точно, не сомневайся. Ты лучше расскажи, что утром было. Необычного ничего не заметил?

Надежда была слабенькая, ничтожная и, конечно же, не оправдалась. Ничего странного дворник не углядел. Обычное субботнее утро, ничем не отличающееся от вчерашнего, разве что презервативов под кустами больше.

– И часто на Дворцовой такие представления? – поинтересовался подполковник.

– Часто. Летом почти каждые выходные. Я ходил. Красиво. Музыка хорошая. Потом плохо. Пьют, дерутся, мусорят.

– Вчера тоже ходил?

– Нет, вчера нет. Надоело.

Брагин посмотрел на часы и направился к участковому, перебравшемуся в тень поближе к деревьям.

– Хоть Питер и северный город, а летом здесь жарко как в бане, – пробормотал Васильич, промокая платком вспотевшее лицо.

– Влажность высокая, – заметил Брагин, оглядываясь. – Что-то трупологи задерживаются.

– Да, должны уже быть здесь, – подтвердил участковый, обмахиваясь папкой с протоколами, но вдруг сделал испуганное лицо и отскочил в сторону.

– Шайтан!

Кусты сирени заколыхались, затрещали сломанные ветки, и из зеленой листвы выглянуло круглое очкастое лицо. Затем кусты раздвинулись, и навстречу Брагину шагнул большой, грузный, но довольно подвижный мужчина лет пятидесяти с чемоданчиком в руках.

– Тьфу ты! – выругался участковый. – Так ведь и зайкой стать можно. Фишман, ты когда-нибудь научишься по-человечески появляться?

Судмедэксперт, по своему обыкновению срезавший путь через газон, удивленно уставился на Брагина. Улыбка стала еще шире.

– Сергеич, здорово, старый! Вернулся, значит? Сейчас в лучшем виде оприходуем твой труп!

– Это не мой труп, – хмыкнул Брагин, пожимая протянутую руку.

– Я в том смысле, что дело твое в лучшем виде...

– И дело не мое, – вновь усмехнулся Брагин, – а вот того молодого человека со смартфоном.

– А ты, значит, энтузиаст-тимуровец Не-Могу-Спать-Когда-Другие-Работают?

– Можно и так сказать.

– Не сидится на пенсии? Или, думаешь, это как-то связано... – уже серьезнее спросил Фишман.

– Вот ты мне и скажешь, связано или нет.

Брагин подхватил судмедэксперта под руку и потянул к нарисованному на фонтане смайлику.

– Михаил Натанович, – слышалось сзади укоризненное. – Я вас жду-жду, а вы со старым приятелем беседуете.

Кравченко возмущенно постукивал пальцем по экрану смартфона.

Фишман не стал спорить, молча накинул одноразовый халат и поманил за собой Брагина, несмотря на протесты следователя.

– Идем-идем, все равно потом придется тебе пересказывать.

Спустя час судмедэксперт разрешил унести тело. Предварительные выводы были довольно скромными. Смерть наступила от полуночи до двух ночи, точнее Фишман обещал сказать после вскрытия. Следов насилия на открытых частях тела не заметно, ни ссадин, ни гематом. На локтевом сгибе левой руки след от укола. Сама она его сделала или кто

помог, до вскрытия судмедэксперт сказать затруднялся. Ни документов, ни телефона, ни каких-либо других вещей, по которым можно было опознать девушку, у нее не нашлось. Единственная зацепка – бирка на платье, из которой следовало, что оно принадлежит ООО «Карнавал-студия».

– Основная версия – передозировка, – заявил Кравченко, дослушав доклад. – Ее и будем придерживаться. – Он повернулся к Фишману: – Сегодня успеете с заключением?

– Надеюсь, – вздохнул судмедэксперт. – Мне затягивать никакого резона нет, у меня завтра выходной.

– Отлично. Значит, завтра можно закрыть дело.

– А граффити? – не вытерпев, Брагин кивнул в сторону ухмыляющегося с чаши фонтана смайлика.

– А что граффити? – неприязненно скривился капитан. – Каждую писульку прикажете прикладывать к делу? В моем детстве все стены в городе были исписаны «Цой жив». И что? Жив? – Он махнул топтавшимся неподалеку санитарам: – Можете забирать тело.

– Ничего себе, – удивленно протянул Фишман, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Кравченко. – Теперь так принято?

Брагин грустно улыбнулся.

Судмедэксперт собрал чемоданчик, стянул с плеч халат, скатал из него шар и только потом поинтересовался:

– Ты действительно уверен, что это серия?

– Да.

Фишман покорно вздохнул.

– Передам криминалистам фото смайлика и соскоб краски, скажу, что для тебя, все равно же не отстанешь. Пусть поднимут результаты предыдущих дел и сравнят. Посмотрим, что скажут. Подъезжай ко мне часиков в девять, думаю, управимся.

– Спасибо.

Брагин сел на освободившуюся скамейку. Светило солнце, чирикали пронырливые воробьи, аллеи заполнялись беззаботно прогуливающейся публикой. Продавец катил в сторону Исаакиевского собора гроыхающий лоток с мороженым. Ничто не говорило о том, что вчера здесь было совершено убийство, разве что смайлик на сером граните нахально усмехался бывшему следователю в лицо.

Когда стрелки часов показали начало одиннадцатого, телефон «Карнавал-студии» наконец-то ответил.

«Карнавал» оказался конторой, занимающейся организацией театрализованных праздников. Его офис-склад располагался неподалеку, где-то во дворах между набережной Мойки и Большой Конюшенной. Брагин поднялся, размял ноги и двинулся через Дворцовую к Мойке.

Ему повезло. Во-первых, потому что, несмотря на выходной, ему открыли дверь. А во-вторых, потому что за дверью оказалась женщина, которая занималась вчерашними костюмами.

– Да, одно платье не вернули, – сказала она, сверившись

с журналом.

– И вы совсем не беспокоитесь?

– О чем?

– Ну... мало ли что могло произойти. Да и платье наверняка недешевое.

– А что могло произойти? – ответила она вопросом, посмотрев на Брагина поверх очков. – Каждый раз кто-то не возвращает. Загул – обычное дело летом. Познакомились, выпили, покурили, пошли спать. Когда любовно-наркотический угар прошел, явились с виноватой рожей. Обычно раньше полудня не приходят.

– И что, всегда приходят?

– Как же за паспортом-то не прийти? Мы же костюмы под залог выдаем.

– Голубое атласное платье, по вороту кружева, рукава узкие, до локтя, оторочены кружевами. На груди белый бант с брошью, лиф расшит жемчугом. Ничего не напоминает?

– Да, именно его и не вернули. А вы?..

– А я его сегодня утром видел на скамейке возле Адмиралтейства.

– Что оно там делает? – глупо спросила кладовщица.

– Сейчас уже ничего. Сейчас оно в морге на Екатерининском. Там его и заберете.

– Ой...

Женщина в ужасе прикрыла рот рукой, и Брагин решил действовать, пока она не пришла в себя.

– Сейчас я просто перепишу паспортные данные девушки, а сам паспорт у вас попозже заберет человек из Следкома.

Кладовщица была настолько ошеломлена, что больше ничего не спрашивала. Она ушла куда-то внутрь помещения, а когда вернулась, держала в руках паспорт.

Ольга Владимировна Молчанова, 1994 года рождения, не замужем, проживающая по адресу... Брагин быстро переписал данные в блокнот. С фотографии на него смотрела милостивая большеглазая блондинка с тонкими чертами лица.

– Вы давно ее знаете?

– Олю? Нет, не очень, месяца три у нас работает. Хорошая девочка, аккуратная, исполнительная. Правда, жаловались тут на нее давеча из санатория – опоздала на детский утренник. Но оказалось, это железная дорога виновата – одну электричку отменили, следующую пустили позже расписания. Закончила театральный год назад, а работы нет. У нас почти все такие, непристроенные. Но и те, кто в театрах, тоже, считай, не лучше. Разве это работа, когда раз в неделю на пять минут на сцену выпускают? Вот и подвизаются у нас да на «Ленфильме». А что случилось-то?

– Случилось. Вы ее вчера видели?

– Да, видела. Наверное... – Голос женщины потерял уверенность. – Раз она платье брала, значит, видела.

– Ничего необычного не заметили?

– Ой, не помню. У нас тут суматоха не приведи господь – в представлении много людей задействовано, только успевай

поворачиваться.

– А где ее вещи?

– Пойдемте, – поманила Брагина кладовщица куда-то в сумрачное нутро здания.

Ничего интересного подполковник не обнаружил. Джинсы, блузка, сумка. Смартфон запаролен отпечатком пальца. Кошелек с мелочью, помада, пудреница, какие-то пластиковые карты – то ли банковские, то ли скидочные от магазинов, он в этом плохо разбирался. Пока рылся в вещах, сотрудница «Карнавала» за ним бдительно наблюдала, будто он мог что-то украсть.

Подполковник с сожалением отложил вещи и повернулся к кладовщице.

– Молчанова вчера одна пришла?

Женщина только развела руками.

– Не знаете, она ничего не употребляла?

– Наркоманы?! У нас? – ужаснулась та. – Нет, с такими мы не связываемся. Как только начинаем подозревать, сразу расторгаем контракт. У нас ведь и детская анимация есть. Разве можно к детям наркоманов?

– Во сколько вчера представление закончилось?

– В десять, как всегда. Но обычно ребята еще час отрабатывают на набережной – многие с ними фотографируются. К двенадцати, как правило, все расходятся... А что все-таки случилось?

В глазах женщины любопытство мешалось с испугом.

– Следователь все объяснит, – туманно буркнул Брагин, прощаясь. Больше ему здесь делать было нечего.

Дворами он вышел к Мойке и двинулся через Дворцовую к Адмиралтейскому проспекту, где припарковал свою машину. Площадь постепенно заполнялась людьми. Туристы фотографировались у Александровской колонны, кто-то пытался сторговаться с кучером кареты, неприкаянно слонялись обвешанные рекламными плакатами продавцы экскурсий. Брагин внимательно посматривал по сторонам: не исключено, что среди толпы сейчас бродит преступник. Такая бравада частенько встречалась среди серийных убийц. Возвращаясь на место преступления на следующий день после убийства, они наслаждались чувством превосходства: опять удалось переиграть «легалых»!

Сделав крюк, подполковник вернулся к фонтану. Заградительные ленты уже сняли, на *той* скамейке сидела семья с двумя детьми. Смайллик еле-еле проглядывал на сером граните фонтана – наверняка дворник постарался. Если не знать, что там есть рисунок, ни за что не разглядишь.

Брагин остановился, еще раз огляделся по сторонам – нет, никого подозрительного. Он достал телефон и набрал участкового.

– Васильич, ты не мог бы разузнать, кто из ваших дежурил на Дворцовой вчера вечером и ночью? Вдруг заметили что?

– Сделаю, – пообещали на другом конце. – Только ребята сейчас отсыпаются. Я попозже позвоню.

– Конечно, пусть спят.

В разговоре возникла пауза, а потом участковый осторожно заметил:

– Бросил бы ты это дело. Хочешь доказать, что тогда был прав ты, а не начальство? Но даже если докажешь, все равно тебя не вернут. Место уже занято молодыми и эффективными. Такие динозавры, как мы, которым не все равно, больше не нужны.

– Спасибо за заботу, только я не вернусь, даже если позовут.

– А зачем тогда... – начал участковый, но Брагин уже закончил разговор.

«Действительно – зачем? Зачем я лезу в это дело? – думал он, направляясь к машине. – Из самолюбия? Из выработавшейся за четверть века привычки идти по следу? Или просто потому, что неумоготу сидеть в пустой квартире? А еще потому, что на свободе бродит убийца, маньяк, и убивать он будет все чаще и чаще».

Дома Брагин нашел страничку Ольги в соцсетях. Обычная девчачья страничка с котиками, шмотками и косметикой, слегка разбавленная театрально-киношной жизнью. Однако в глаза бросалась одна странность – девушка заходила в соцсети сегодня утром. Впрочем, мало ли кто мог знать пароль. Лучшей подругой Ольги была помечена некая Ирина Ефремова – еще одна миловидная блондинка. По всей видимости, девушка общительная, раз не боялась открыто пи-

сать номер телефона. В соцсети она в последний раз заходила вчера днем. Брагин набрал номер Ирины, но ему никто не ответил.

Подполковник вскипятил чайник, заварил пакетик чая и попробовал дозвониться до Ирины еще раз. На этот раз телефон оказался выключен.

До поездки в морг оставалась уйма времени, и дабы как-то убить его, Брагин решил приготовить что-нибудь на обед. Кроме того, ему всегда хорошо думалось, когда руки были заняты. Однако в холодильнике кроме куска лосося нашелся лишь засохший пармезан и упаковка сливок для кофе. Брагин с удивлением повертел сливки. Откуда они тут взялись? Он не помнил, чтобы покупал их, кофе он любил черный. В морозилке сиротливо покрывалась инеем початая пачка пельменей. Зато в буфете нашлись аж две пачки макарон – пенне, в просторечье «перья», и спагетти, которые он называл просто макаронами. Значит, на обед сегодня будет паста с лососем.

Брагин порезал рыбу на кусочки, обжарил на сковородке с лучком до золотистой корочки, затем залил сливками и оставил тушиться на небольшом огне. Поставил на плиту кастрюльку с водой. После некоторого колебания выбрал спагетти – они варятся быстрее. От рыбы уже тянул аппетитный запах, и подполковник, сглотнув слюну, сообразил, что сегодня еще не ел. Он натер сыр и всыпал его в рыбу. Спагетти к этому времени как раз разварились до нужного

состояния.

Есть решил прямо со сковородки – так вкуснее. Не хватало только завершающего штриха. Брагин вновь открыл дверцу буфета, но потом вспомнил, что «штрих» вполне мог расти на соседском балконе. Мысленно извинившись перед соседями, он выдрал из крайнего ящика веточку петрушки. Вот теперь все было как надо.

Но паста оправдала лишь половину возложенных на нее надежд – утолила голод. С умными мыслями оказалось сложнее.

Кофе и мытье посуды съели остаток дня. Пора было помаленьку выдвигаться к Фишману.

* * *

Фишман встретил Брагина в секционном зале. В помещении витал резкий запах формалина, к которому примешивался сладковатый удушливый запах разлагающейся плоти. Аккуратно зашитый труп Молчановой лежал на металлическом столе, рядом возился санитар. Мельком взглянув на тело, Брагин тут же отвернулся. За два с лишним десятка лет работы ему часто доводилось бывать во владениях судмедэксперта, он привык и к запаху, и к телам, но разве можно привыкнуть, когда смерть забирает молодую красивую девушку, которой жить и жить?

– Только что ушел, – сказал Фишман, снимая халат. Под-

полковник не сразу понял, что тот имел в виду Кравченко. – Он намерен закрыть дело, для него все «кристально ясно». Пойдем ко мне в кабинет, там и поговорим.

Предложив Брагину стул, хозяин кабинета развалился в кресле, вытянул ноги и чуть не застонал от наслаждения:

– На ногах весь день. Стал уставать.

Не вставая с кресла, он нагнулся и включил чайник на тумбочке, хлопнув дверцей, подцепил две кружки.

– Будешь?

Брагин покачал головой.

– Ну, как пожелаешь.

Брагин не торопил друга, понимал, что Михаилу нужно время прийти в себя. А тот, отфыркиваясь и обжигаясь, шумно выхлебал полную кружку чая и тут же заварил вторую.

– Ух, полегчало, – выдохнул он. – Теперь можно и к делу. Бумаги я пока не писал, но тебе ведь они и не нужны. Итак, по существу.

Судя по всему, девушка вела нормальный образ жизни. Для своих двадцати пяти плюс-минус пара лет была абсолютно здоровой, питалась правильно, следила за собой. В желудке нашлись остатки легкого ужина – зелень, овощи, рыба. Где-то около полуночи она выпила полстакана пива, в котором нашлись следы препарата, который обладал седативным и легким снотворным эффектом – Фишман произнес длинное название, ничего не сказавшее подполковнику.

Через полчаса был сделан укол. Героин. Смертельная доза. След от укола остался на локтевом сгибе.

– Единственный след, заметь! – Михаил многозначительно поднял брови.

– То есть наркоманкой она не была?

Фишман уверенно покачал головой.

– Никоим образом. И, кстати, никаких следов в организме другой дряни. Даже никотина. Правильное питание и героин? Сомнительное сочетание.

– Решила попробовать... – пожал плечами Брагин.

– И начала с героина? И сразу передоз? И никого рядом из опытных?

Умные глаза Фишмана смотрели скептически.

– Да, странно.

– Это нам с тобой странно, а ему все «кристально ясно», – вздохнув, передразнил следователя судмедэксперт.

Следов насилия на теле девушки Фишман не обнаружил, если, конечно, не считать насилием над организмом туго затянутый корсет. Сексуального контакта тоже не было. Все выглядело так, будто она внезапно решила покончить с собой.

– Только, поверь мне, такие ухоженные девицы не кончают с собой. Не для этого они холят свое тело, чтобы вскорости с ним расстаться. На ногтях свежий маникюр. Я достаточно насмотрелся на суицидников после длительной депрессии или тех, кто сидел на «колесах», какой там маникюр

– все ногти обкусаны до мяса. Тебе бы поговорить с кем-то, кто ее хорошо знал, – закончил судмедэксперт.

– А если это не самоубийство... – начал Брагин.

– Тогда ее убил тот, кого она знала, либо кто-то, кто не вызвал у нее подозрений, – подхватил мысль подполковника Фишман. – Он угостил ее пивом, подмешав туда препарат. Она стала заторможенной, невнимательной, сонливой, и он повел ее на скамейку. Если кто спрашивал, что с девушкой, говорил, что хлебнула лишку. Затем дождался, когда люди начнут расходиться, и сделал укол. Да, на шприце только ее отпечатки, но ведь он мог надеть перчатки. Да и отпечатки такие, что ей самой было бы трудно удержать шприц. Сама бы она держала его иначе. И направление прокола тоже странное. Возможное, но странное. Делала бы сама, игла, скорее всего, вошла бы под другим углом.

Фишман снял очки и начал протирать стекла полкой рубашки.

– Впрочем, может, все это – мои старческие фантазии, – заметил он, вновь водрузив очки на массивную переносицу, – и прав как раз молодой да эффективный, а мы с тобой ни черта не понимаем в современной молодежи.

3

– Артем!

Он оглянулся. Ни одного знакомого лица в лобби отеля не было. «Наверняка послышалось», – решил он и зашагал к выходу. Он не любил бывать в дорогих отелях – чувствовал себя там не в своей тарелке. Все, начиная от вышколенного швейцара и заканчивая высшим менеджментом, смотрели на него косо, словно на замарашку на королевском балу. Впрочем, он и сам ощущал себя здесь чужаком. Роскошь, пафосность, неспешная основательность, свойственные именитым гостиницам, были для него атрибутами другой жизни или другого мира. И дела с подобными заведениями он старался вести через электронную почту и прочие удаленные сервисы, встречая клиентов на улице, перед входом. Но иногда, как сегодня, ситуация требовала личного присутствия.

– Артем! Зуб! Да подожди же!

Старое студенческое прозвище, образованное от фамилии Зубарев, прозвучало под стеклянной крышей «Кемпински» совсем уж неуместно.

К Артему направлялась незнакомка. Летний костюм цвета слоновой кости выглядел простовато, да только он знал цену этой простоте. Со светлым костюмом контрастировала темная блузка в цвет распущенных по плечам волос и черные лодочки. Лицо незнакомки закрывали большие солнце-

защитные очки. Остававшиеся на виду губы и аккуратный носик, к которым вполне мог приложить скальпель пластический хирург, не вызвали в памяти никаких ассоциаций – клиентку с такой внешностью он бы наверняка запомнил. И, тем не менее, красавица направлялась именно к нему.

– Привет, Зуб! – сказала незнакомка и сняла очки.

– Марина?! – выдохнул он.

– Собственной персоной, – улыбнулась та. – Неужели так сильно изменилась?

– Ну... – замялся Артем.

Вот что тут можно сказать? Скажешь, что похорошела, – получится, в студенческие годы была дурнушкой. Совсем не изменилась – значит, все те тысячи евро, что ушли на оплату косметологов и хирургов, выкинуты псу под хвост.

– Волосы покрасила, – нашелся он наконец. – Раньше ты не была брюнеткой.

Все-таки за пять лет, что они не виделись, бывшая подруга стала другой. Ярче, эффектнее, настоящая светская львица. Впрочем, все светские львицы выглядят так, словно их скроили по одному лекалу.

– Ты здесь остановилась?

– Да, я всегда останавливаюсь в «Кемпински», когда приезжаю в Питер.

«Могла бы позвонить», – чуть не вырвалось у него.

Нет, не могла. Не звонят бывшему, устроив личную жизнь. О том, что Марина удачно вышла замуж, он слышал

краем уха, вскользь. Друзья в его присутствии старались не распространяться на тему.

– Торопишься? У тебя дела?

– Были дела, но теперь я совершенно свободен, – сказал Артем с некоторой долей злорадства.

Посмотрим, как она будет выкручиваться: сама ведь его остановила, могла просто пройти мимо. Но Марина как ни в чем не бывало направилась к плюшевым креслам. Заметила, что Артем нерешительно застыл на месте, и поманила за собой.

Официант возник сразу, как только они присели за столик.

– Ты за рулем?

Артем отрицательно покачал головой.

– Тогда нам...

Дальше последовало что-то очень сложное на испанском, но официант понимающе кивнул. На его лице даже проскользнуло нечто похожее на уважение.

– Чем занимаешься? – поинтересовалась Марина, когда они остались одни.

Про личную жизнь она не спрашивала – кольца на правой руке нет, и так все понятно. Хотя что понятно? Сейчас отсутствие кольца ничего не значит.

– Ничем особо интересным, – усмехнулся Артем.

– И все же?

«Пять лет не виделись. Если так интересно, как я живу,

могла бы и позвонить».

– Гуляю с туристами по подворотням, лазаю по крышам, спускаюсь в подвалы, – ответил он.

На столике появились два бокала, формой напоминающие тюльпан. Значит, внутри херес. Наверняка дорогой.

– За встречу.

Марина подняла бокал за ножку и тут же опустила обратно – в ее сумке зазвонил телефон. Мельком взглянув на номер, она выключила аппарат.

– Я тебя не задерживаю? – вежливо поинтересовался Артем.

Она покачала головой:

– Ерунда, подождет.

Быстро опустошив бокал, Марина задумчиво поглаживала его ножку.

– А ты как живешь? – спросил Артем, чтобы разрядить повисшую за столом паузу.

– Ужасно, – усмехнулась она. – Пытаюсь вникнуть в премудрости бизнеса. Но мое искусствоведческое образование пасует перед биржевыми индексами, процентами оборота, технологическими линиями, поставками сырья и прочей гадостью.

Вино сделало свое дело – беседа приняла более непринужденный характер.

– Общаешься с кем-нибудь из нашей компании? – спросил Артем.

Марина напряглась.

– Почти нет.

Она повернулась и махнула рукой официанту. Слишком быстро и неестественно. Такой простой вопрос, только почему он вызвал затруднение?

Второй бокал опустел быстрее первого.

Иногда она словно задумывалась о чем-то своем, забывая о присутствии Артема. А потом, спохватываясь, мило улыбалась. Не ему, а словно сквозь него.

Опять зазвонил телефон. И опять она сбросила звонок, теперь уже не глядя.

– И все-таки мне пора, – сказал Артем поднимаясь.

– Нет! Без ужина я тебя не отпущу. Пошли в ресторан.

Марина вскочила, чуть не уронив кресло.

Он хотел ответить резко – ну какой ресторан?! – но сдержался в последний момент. Прекрасно знал, что за публика собирается там по вечерам, был как-то приглашен на ужин благодарными клиентами. Для этого ужина пришлось разориться на рубашку от Ральфа Лорена и одноразовые ботинки. Одноразовые потому, что больше он их никуда не надевал – не любил тесную обувь, кроссовки куда лучше. Хорошо, хоть костюм Кирилла подошел – тот как раз недавно купил для какой-то зарубежной конференции. Но и в «Лорене» Артем чувствовал себя Золушкой, занявшей на балу чужое место. Сейчас же на нем были кроссовки, рваные на коленях джинсы и футболка с «зенитовской» стрелкой.

– Не сегодня.

– Да пошли они все! – выругалась Марина, поняв, о чем он. – Чертовы снобы.

Но Артем стоял не двигаясь.

– Ладно, – пробормотала она и, подозвав официанта, дала указания. Тот наклонил голову, показывая, что все понял.

– Идем. Поедим в номере.

Она развернулась и направилась к лифту, ни разу не обернувшись, – наверное, привыкла, что ее слушаются беспрекословно.

Немного помедлив, Артем двинулся следом. Уже у лифта он почувствовал взгляд в спину. Пристальный, недобрый. Оглянулся, но за спиной никого не было.

Номер оказался двухкомнатным. Уютная гостиная, из окна которой виднелся угол Дворцовой. На столике букет роз. Со стены на розы строго взирала императрица Екатерина. Двери в другую комнату – по всей видимости, спальню – закрыты. В ней и скрылась Марина, заявив, что должна переодеться.

Артем подошел к окну. Внизу неспешно рассекал мутноватые воды Мойки типично петербургский, низкий и широкий теплоход. Исчез под мостом и вернулся с другой стороны. Вот так неожиданно вернулось и почти забытое прошлое...

Их познакомила Соня, девушка Кирилла. Оказалось, они учились на параллельных факультетах, он – на историче-

ском, она – на искусствоведческом, обедали в одной столовой, сталкивались в коридорах, но не замечали друг друга. Зато потом, начав встречаться, почти не расставались. Но первым на Марину положил глаз Гарик. Намерения его были серьезнее некуда, ведь он даже попросил Артема посмотреть совместимость по гороскопу.

– Ты же не веришь в астрологию, – хмыкнул тогда Артем.

– Не верю, – согласился Гарик. – И тем не менее у тебя совершенно не поддающийся рациональному объяснению процент попаданий. Я проверял.

Однако порадовать Гарика было нечем – с такими аспектами на серьезные отношения рассчитывать не приходилось.

– Вот сам посмотри, – пытался объяснить другу Артем. – Солнце, Луна, Марс и Венера – четыре планеты, на которые завязан базис в отношениях между мужчиной и женщиной, тут у вас ни одного гармоничного аспекта, лишь пара слабеньких полусекстилей. Но на полусекстилях долгих и прочных отношений не построишь. К тому же соседние знаки зодиака даже с гармоничными аспектами редко уживаются вместе. Нет, не выйдет ничего серьезного у Львицы с парнем-Девой. – Артем помолчал, взглядываясь в пересечения линий, и добавил: – Зато есть странная связь по Нептуну, Черной Луне и Сатурну.

– Почему странная?

– Даже не знаю, как ее интерпретировать, но это не брачные и не любовные отношения. И не отношения между дру-

зьями или коллегами. Какая-то скрытая связь, словно вас связывает общая тайна. Еще и сковывающая, ограничивающая Марину. Ну, как если бы ты ей сначала помог, а потом начал шантажировать.

– Скажешь тоже, шантажировать, – обиделся приятель.

– Да я просто, к примеру... – растерялся Артем. Он и сам не понимал, откуда, из каких глубин подсознания вырвалась последняя фраза.

Увидев, что между Мариной и Артемом зарождается чувство, Гарик поступил как настоящий друг – отошел в сторону, не стал мешать.

Всем вокруг, и самому Артему в первую очередь, казалось, что их общее будущее предрешено. Но, как говорится, хочешь рассмешить бога – расскажи ему о своих планах. На последнем курсе Артему предложили продолжить обучение в Сорбонне. Он уже собирался отказаться, чтобы не расставаться с подружкой, но она какими-то правдами и неправдами сумела выбить Сорбонну и для себя. Мыслями они уже были в Париже, и тут неожиданно заболела бабушка Артема. Тяжело, страшно, безнадежно. О Париже пришлось забыть. Марина до последнего надеялась, что он передумает, но она требовала невозможного. В итоге ей пришлось уехать одной. Расстались они плохо – каждый считал себя непонятым и преданным...

В дверь постучали. Вихляя тощим задом, официант вкатил сервировочный столик. Ловко перехватив на лету бутыл-

ку, открыл вино. Плеснул в бокал на доньшко и предложил Артему.

Еще бы пробку дал понюхать, хмыкнул про себя Артем, но игру принял. С видом знатока посмотрел вино на свет, покрутил бокал, считая «винные ножки». Затем сделал маленький глоток, причмокнул губами, глядя в потолок, и только потом важно кивнул.

Официант все не уходил. Наполнял бокалы, зачем-то принялся поправлять салфетки и цветы в вазе – имитировал усердие, напрашиваясь на чаевые.

И сколько нынче подают в «Кемпински»? Артем протянул пятисотку.

– Мерси, месье.

Лицо официанта осталось непроницаемым, но презрительно дрогнувшая губа была красноречивее слов.

Марина появилась лишь после того, как за официантом захлопнулась дверь. На ней была надета пурпурная туника. Макияж она смыла. Теперь вблизи он мог спокойно рассмотреть ее. Веки слегка припухли и покраснели – то ли плакала, то ли не выспалась, – наверняка из-за этого и надела черные очки.

Не сядя за стол, она опустошила протянутый бокал – четвертый за вечер – и в упор посмотрела на Артема. Раньше у нее не было такого взгляда – отчаянного, полного безнадёги.

– Почему ты тогда не поехал во Францию? Ведь все могло

сложиться по-другому, – с горечью прошептала она.

Он нахмурился.

– Зачем сейчас начинать этот разговор? Все было сказано пять лет назад. Ты же знаешь, не мог я никуда уехать.

– Ты был нужен мне.

– Здесь я тоже был необходим.

– Любовь нужна живым, а не мертвым.

Последние слова она произнесла так тихо, что он начала сомневаться, а не послышалось ли это ему.

Вдруг она бросилась к Артему на шею, ища его губы. Он попытался увернуться от поцелуя.

– Марина...

– К черту все!

Она резко дернула пряжку его ремня, начиная расстегивать. Он перехватил ее руки.

– Давай не будем создавать проблемы. Не нужно ворошить то, что давно закончилось.

– Если для тебя это так важно – я свободна! – почти зло выкрикнула она. – Мне сейчас плохо, пойми, мне просто нужно это!

То, что происходило в спальне дальше, любовью назвать было никак нельзя. Был только секс. Исступленный, жесткий, без нежности и ласки.

Он так и не заснул. Лежал, глядя то в окно, где занимался розоватый рассвет, то на портрет Павла. Император, поджав губы, высокомерно взирал со стены на смятые простыни.

И для чего она покрасилась в черный?

Артем усмехнулся про себя. «Это тот вопрос, который тебя беспокоит больше всего? – спросил он себя. – Лучше подумай, что сейчас было. Марина сказала, что свободна. Ушла от мужа? Или он ее бросил?» Артем погладил разметавшиеся по подушке черные волосы. А если их встреча неслучайна? Может, дальше...

Он вдруг разозлился на себя. Размечтался! Не будет никаких «может» и «дальше»! И в то же время он надеялся. Ох, как надеялся.

Смартфон показывал половину шестого. Артем осторожно выбрался из постели и направился в душ. Оделся, стараясь не шуметь. С сомнением посмотрел на спящую подругу, раздумывая, будить или нет, и решил, что не стоит. Черкнул на листке бумаги с фирменным логотипом отеля свой номер – на случай, если она захочет встретиться. Поразмыслил пару секунд о том, что бы еще добавить, но ничего, кроме банального «обязательно позвони» в голову не пришло.

В приоткрытое окно гостиной тянуло утренней прохладой, а на столе так и стоял ужин, к которому они вчера не притронулись.

Домой Артем уже не успевал – экскурсия сегодня опять была ранней. Времени оставалось лишь на то, чтобы побыстрому выпить кофе в отельном баре, где он лишился еще одной пятисотрублевой купюры.

– Удачного дня, – голос портье в пустом холле отеля про-

звучал неестественно громко.

* * *

– О Петербурге рассказывают много легенд. С первых дней своего существования он окутан тайной, его по праву считают самым мистическим городом России, а городские достопримечательности служат источником мифов и легенд. С одной из них мы сейчас и познакомимся. Это Семимостье – пересечение каналов Крюкова и Грибоедова. Место названо так потому, что отсюда действительно открывается вид на семь мостов: Кашин, Смежный, Пикалов, Ново-Никольский, Старо-Никольский, Могилевский и Красногвардейский. В древних верованиях и мировых религиях число семь считалось особенно важным, даже магическим: семь дней недели, семь цветов радуги, семь нот, семь планет септенера. А еще стоит сказать о семи днях творения в Ветхом Завете, семи небесах в Исламе, под смоковницей с семью плодами медитировал Будда. Вспомните сказки. В их названиях также встречается семерка: «Волк и семеро козлят», «Белоснежка и семь гномов». Семерка всегда считалась счастливым числом, числом совершенства и гармонии. И наши семь мостов обладают удивительной способностью исполнять желания. По крайней мере, так утверждают городские легенды. Если загадать желание, предварительно сосчитав все семь мостов, то оно непременно сбудется. А чтобы

желание сбылось гарантированно, загадать его следует седьмого июля в семь часов утра, то есть уже совсем скоро. Сейчас на часах без пятнадцати семь, у вас есть пятнадцать минут, чтобы осмотреться и выбрать наилучшее место, откуда видны все семь мостов.

Артем закончил вступление. Группа сегодня подобралась большая – седьмого июля всегда так. Молодые пары – наверняка студенты. С этими понятно, у них вся жизнь впереди. Но больше половины экскурсантов оказались пенсионерами. О чем можно мечтать, когда тебе за семьдесят?

– А я слышал, что желание нужно загадывать не в семь утра, а в семь вечера, – скрипучий старческий голос прервал его размышления.

– Семь часов бывает один раз в сутки. Семь вечера – это придумка экскурсоводов, которые хотят поспать утром подольше, – ответил Артем.

Все заулыбались, а пенсионер поднял вверх большой палец, показывая, что удовлетворен ответом.

Артем отошел в сторону и облокотился на чугунную ограду набережной между Пикаловым и Старо-Никольским мостами. Потеплело. Из-за густых облаков наконец-то выглянуло солнце и позолотило купола Никольского собора. Еще полчаса назад казалось, что день будет хмурым.

Вспомнилась сегодняшняя ночь, вернее, она и не выходила из головы. Жаркое ночное дыхание, густой, дурманящий аромат ее духов, переплетение тел в темноте. Нет, между ни-

ми не вспыхнуло старое чувство, по крайней мере со стороны Марины. Но помечтать-то он мог.

Людей на набережных и мостах набралось изрядно. К Старо-Никольскому мосту по Крюкову каналу приближался речной трамвайчик – сегодня они тоже начинали рано. Открытая палуба была заполнена под завязку.

Часы показывали без трех минут семь.

У молодых людей, остановившихся по соседству с Артемом, на лице застыло мечтательное, почти блаженное выражение. Некоторые даже зажмурились, как будто загадываемое желание требовало от них максимум душевных усилий.

«А я что, рыжий, что ли? Раз уж я здесь», – спохватился Артем. Он повернулся лицом к мостам, быстро сосчитал до семи и произнес про себя несколько слов.

В этот момент трамвайчик скрылся под Старо-Никольским мостом, а когда показался с другой стороны, по мосту пронесся истощенный женский визг. Зацепившись длинным шарфом за какую-то деталь кораблика, рядом с его бортом в воде трепыхалось женское тело. Вернее, в воде была только его нижняя половина, а верхняя с туго затянутом на шее шарфом билась в агонии.

Нужно срочно уводить туристов!

Быстро, как только мог, Артем собрал свою группу и, отвлекая разговорами, повел к Никольскому собору.

– Что там случилось? Что там? – спрашивали его.

– Несчастный случай. Кто-то был неосторожен и упал в

канал.

– Ой! – ахали туристы. – Как же так? Но ведь спасут?

– Спасут, конечно, спасут, – успокаивал туристов Артем, – на теплоходе есть спасатели, а нас ждет Никольский морской собор.

Он старался, чтобы его голос звучал уверенно и бодро, но получалось не очень.

Экскурсию он, конечно же, скомкал. Останавливался, теряя мысль, на вопросы отвечал невпопад, поэтому и закрутился пораньше. Он уже хотел вернуться на мост, но к нему подошла пожилая пара из Франции.

– Я служил в береговой охране Ниццы, – сказал старик. – Поэтому знаю, о чем говорю. Та женщина наверняка погибла.

Артем молчал. А что он мог ответить? На помощь пришла жена француза.

– Мы понимаем, что вы не хотели нервировать людей, – заметила она, успокаивающе поглаживая Артема по руке. – Поэтому мы молчали до самого конца экскурсии. Мы хотим помочь следствию. Совершенно случайно я сняла видео, как кораблик подплывает к мосту. Мы думаем... – Она сбилась. – Нам кажется...

– Нам кажется, это не был несчастный случай, – пришел ей на помощь муж. – Самостоятельно упасть за борт невозможно.

– Но мы не уверены, – быстро вставила пожилая женщина.

– Мы бы не стали вас беспокоить и сами обратились к полицейским, но опасаемся, что они не знают французского.

– Пойдемте, я переведу, – кивнул Артем.

Втроем они вернулись на мост. Скорая уже уехала, забрав тело. Трамвайчик стоял пришвартованным к набережной канала – в том месте, где находился спуск к воде. Пассажиры, не решаясь расходиться, а может, им и не разрешили, под присмотром двух полицейских толпились тут же. А в центре моста деловито кружил следователь. Молодой, энергичный, в отличном сером костюме. К нему и направился Артем. Поздоровавшись, он решил не тянуть и сразу заявил, что у французов есть видеозапись.

– Покажите, – последовал быстрый ответ.

Француженка без перевода поняла, что от нее хотят, и протянула следователю смартфон. Разглядеть что-либо на маленьком экранчике было трудно, еще и снимали издали. Следователь недовольно поморщился, но все же попросил скинуть видео ему на почту. Артем принялся помогать пожилой паре, для которой задача оказалась не по силам. Проще всего оказалось перекинуть видео сначала себе, а затем со своего мобильного отправить следователю, который вдруг процедил сквозь зубы ругательство и быстрым шагом направился к полицейскому, мирно беседующему с невысоким лысоватым человеком средних лет.

– Опять вы? – с трудом сдерживая негодование, рявкнул следователь и переключился на полицейского: – Вам, това-

рищ младший лейтенант, нечем заняться, раз болтаете с посторонними?

– Товарищ капитан, – удивленно протянул лейтенант, – какой же это посторонний, это же...

– Где протоколы опроса свидетелей? Почему я должен вас подгонять? – рявкнул капитан.

– Слушаюсь, – пробормотал полицейский и, виновато взглянув на своего собеседника, направился к трамвайчику.

Мужчина с залысинами внимательно оглядел толпившихся за ограждением людей и неторопливо направился к растерянным французам, которые не могли понять, закончен ли разговор и могут ли они быть свободными. Следовательно, похоже, позабыл про них, он поговорил с другими свидетелями, затем дал указания экспертам.

Артему надоело ждать.

– Послушайте! – Он решительно перегородил дорогу следователю. – Если вам не нужны французы, то, наверное, стоит поблагодарить стариков за помощь и отпустить, а потом уже заниматься другими делами?

– Они еще здесь? Пусть уходят. Они мне не нужны.

– Поблагодарите и попрощайтесь, – отчеканил Артем, чувствуя, что начинает закипать. – Или хотите, чтобы французские газеты написали о хамстве петербургских полицейских?

Капитан сердито уставился на Артема, уже открыл рот для отповеди, но вдруг передумал. Подошел к пожилой паре и

бросил короткое: «Сенкью, гуд бай». Следом за ним попрощался с туристами и Артем.

Он уже подумывал отправиться домой, но его остановил незнакомый голос:

– Я слышал, у вас есть видео происшествия. – Невысокий лысоватый мужчина вопросительно смотрел на Артема. – Не могли бы и мне скинуть?

Артем пожал плечами – почему бы и нет? – и полез в карман за смартфоном, попутно исподтишка разглядывая незнакомца. За пятьдесят, но в хорошей форме, лицо интеллигентное, взгляд острый. Кто он? На журналиста не похож – нет в нем напористой бесцеремонности, свойственной труженикам пера. Полицейский? Чего же тогда капитан выверился на него, как собака на кошку? На обычного любопытствующего тоже не тянет – настроен по-деловому. Взгляд цепкий, внимательный. Вот и сейчас – ждет, когда ему скинут видео, а сам незаметно, словно локатор, прощупывает территорию. Так кто же он?

Незнакомец поблагодарил, быстро промотал видео и направился к центру моста, приглядываясь к асфальту. Остановился на самой середине, над центральным пролетом, под которым совсем недавно проплывал злополучный трамвайчик, и что-то сфотографировал на асфальте. Сдержать любопытство не получилось – Артем пошел следом. На асфальте, в самом центре моста светлой краской был нарисован смайлик необычной формы, а незнакомец кружил подле него, как

кот вокруг сметаны.

– Интересуетесь детскими каракулями? – хмыкнул Артем. – Могли бы выбрать и получше.

– Детскими? – поднял брови мужчина. – Вряд ли это рисовал ребенок. Я много бы дал, чтобы узнать, кто и когда сделал этот рисунок.

– Кто – не скажу, а когда – можно предположить. До половины седьмого этого рисунка не было. Я проходил по мосту.

– Точно?

– Да, а потом я стоял вот там. – Артем показал на набережную.

– Что-нибудь заметили? – быстро спросил незнакомец. Теперь его взгляд стал напряженным, как у старого служебного пса.

– Откуда? Тут такая суматоха началась. Все смотрели только на теплоход.

– Почему, кстати, сегодня так много людей?

– Все хотят быть счастливыми. Неужели не знаете? Если загадать желание седьмого июля в семь часов утра, то оно сбудется. Городская легенда.

– И что, сбывается? – усмехнулся незнакомец. – Не знал, а то пришел бы пораньше.

Он достал из кармана полиэтиленовый пакетик, раскрыл перочинный нож и сделал соскоб краски.

– Откуда вы? Частный детектив? Страховая? – не утерпел Артем.

– Что-то вроде того. Раньше работал следователем, сейчас на пенсии. А за этим, – он кивнул на смайлик, – я уже два месяца безуспешно гоняюсь. Этот рисунок объединяет четыре совершенно не связанных на первый взгляд смерти. Два месяца назад умер французский бизнесмен, месяц назад погиб молодой человек, прошлой ночью после спектакля на Дворцовой умерла девушка...

Предчувствие тревожной волной накатило на Артема. Он подался вперед.

– Девушка?.. Как ее звали?

Незнакомец внимательно посмотрел на Артема, словно раздумывая, назвать имя или не стоит, но затем все же ответил:

– Ольга Молчанова.

– Фото! У вас есть ее фото?! Или хотя бы дата рождения?

Еще один долгий задумчивый взгляд, затем мужчина достал из кармана смартфон. С экрана на Артема смотрела Ольга.

Не сдержав эмоции, Артем схватился за голову.

– Господи...

– Знакомая?

Ответить удалось не сразу. Слова застревали в горле.

– Она приходила ко мне в пятницу... с подругой... Говорила, что ее хотели убить. Вернее, это подруга говорила... А Ольга, наоборот, считала, что ничего серьезного... что ей показалось.

– Зачем приходила?

– Гороскоп ей составлял. Ей бы неделю поостеречься, пересидеть где-нибудь... Надо было убедить ее, а я не смог... Не захотел...

На душе было мерзко, отвратительно. Артем повернулся и побрел, не разбирая дороги.

– Возьми визитку, позвони мне! – Слова донеслись будто бы издалека, затем кто-то вложил ему в руку картонный прямоугольник.

Город казался чужим, незнакомым. Улицы, здания, дворы, витрины... Артем вновь и вновь прокручивал в голове разговор с Ольгой. Ее смерть на его совести. Он же видел, что ей грозит опасность, должен был достучаться до ее разума, чтобы она поняла всю серьезность положения, в котором оказалась. Должен был уговаривать, объяснять, настаивать, а вместо этого умыл руки – не захотел возиться с «глупой девчонкой». Зато теперь придется возиться со своей совестью.

Лишь оказавшись возле магазина, торгующего спиртным, Артем пришел в себя. Купил бутылку водки и тут же, на улице, давясь и проливая на грудь, выхлебал треть. А потом вдруг обнаружил себя сидящим на скамейке в чужом дворе. Рядом с ним почему-то сидел Гарик. Откуда?.. Как?.. Он не помнил, чтобы звонил другу. И, тем не менее, Гарик был рядом, а Артем путано объяснял, что сейчас переживает трудный период. Двадцать семь лет – это оборот Черной Луны, а значит, непременно произойдет какая-то гадость. Какая? У

каждого своя. Лермонтов вон вообще был убит в двадцать семь лет. Но лично его, Артема, будут окружать убийцы и их жертвы, а он будет блуждать между ними, не понимая, кто есть кто. Вокруг него будут складываться неотрав... неотвратимые ситуации, в которые он будет вовлекаться помимо своей воли вплоть до сметр... смертельного итога. Двадцать семь – это не шутки. Есть даже Клуб двадцати семи. Хендрикс, Моррисон, Кобейн, Эми Уайнхаус, Башлачев... Это все Черная Луна, падла...

– Так ты вскорости собираешься нас покинуть? – скептически улыбаясь, спрашивал Гарик.

Артем категорически помотал головой.

– Нет. Тут еще все завязано на апс... аспекты. Я сейчас как центр этого... как там его... тайфуна. Знаешь, что такое глаз бури? Во-о-от!.. Там тихо и спокойно, а вокруг бушует ураган. Вот и вокруг меня скоро начнется... Уже началось...

Выговорившись, на нетвердых ногах он побрел домой. С трудом открыл дверь подъезда и столкнулся с соседкой. Той, что сдавала свои две студии приезжим. Поджав губы, женщина недовольно уставилась на Артема.

– Это уже слишком! Я не позволю устраивать в доме притон! У меня уважаемые люди останавливаются!

Какой притон? О чем она?

Цепляясь за перила, он начал подниматься к себе на третий этаж. Возле окна на лестничной площадке курил парень, снимающий соседнюю квартиру. Увидев Артема, он хмык-

нул:

– Ты бы поспешил, отвратительно заставляя даму ждать.
Тем более на полу.

Даму? Марина!..

Последние ступени дались особенно тяжело. Спотыкаясь и чуть не падая, он бросился за угол, к своей двери. Там, у стены, прямо на плитках пола сидела девушка. Из-под наброшенного на волосы капюшона толстовки выбилась светлая прядь. Услышав шаги, она подняла заплаканное лицо.

Под дверью сидела Ольга.

4

Два голоса – мужской и женский – доносились словно издалека. Артем кое-как разлепил веки. Знакомый морской пейзаж на стене, под головой жесткая завитушка подлокотника бабушкиного дивана.

Он дома?

Голоса продолжали бубнить.

– Напрягись, вспомни, – убеждал почти знакомый мужской голос. – Плакать и горевать будешь потом, сейчас нужно собраться.

– Да я уже всех перебрала! – отвечал, всхлипывая, женский.

– Может, наследство? Родственники за границей есть?

– Нет и никогда не было. И вообще богатой родни у меня нет.

Артем с трудом повернулся. Возле окна стоял незнакомец с залысинами, тот самый, с которым он познакомился сегодня утром. Хотя как познакомился – даже имени не спросил. А в кресле за столом сидела Ольга. Живая, хотя и заплаканная. Значит, не привиделось.

В памяти промелькнула недавняя картинка: Ольга на полу перед его дверью. Артем смутно помнил, как, заметив его, она вскочила. Он заново увидел заплаканное лицо. Почему-то больше всего запомнилась выбившаяся из прически

и спадающая на лицо светлая прядь. Ольга что-то кричала, а он не мог понять: если она жива, то кто же тогда умер? Почему она плачет? И что хочет от него сейчас? Ведь явно что-то хочет – стучит кулачками по зенитовской «стрелке» на груди. Его отравленный алкоголем мозг выдавил лишь одну разумную идею: «Надо позвонить тому лысому мужику, он должен помочь».

Дальше был провал. Но, наверное, он все-таки сумел набрать номер, раз этот тип сейчас здесь. Расхаживает по комнате, как у себя дома.

– Похоже, хозяин пришел в себя, – услышал Артем голос незнакомца. И следом: – Свари-ка ему кофе, девонька. – Это уже было адресовано Ольге. И снова ему: – Ничего, что гости хозяйничают?

Артем с трудом помотал головой, растирая затекшую шею.

– Тогда давай знакомиться заново. Брагин Викентий Сергеевич, бывший сотрудник Следкома, подполковник в отставке. Ты мне позвонил... Ничего, что я на «ты»?.. Но ты был настолько невнятен, что трубку пришлось взять Ольге. Гадаешь, что с ней случилось? Сейчас расскажу. Только...

Брагин с сомнением оглядел хозяина квартиры.

– Я в норме, – буркнул Артем, опуская ноги на пол.

Дальше он давился обжигающим кофе и пытался вникнуть в слова Брагина.

Пропускать представление на Дворцовой Ольга не хотела

– платили в «Карнавале» неплохо, где еще найдешь подобное место? Тогда-то Ирина и предложила пойти вместо подруги: наденет платье, парик, а изобразить несложные танцевальные па для нее не составит труда. Внешне они похожи, а в гриме так и вообще родная мать не отличит. Ну и паспорт, конечно, нужен. И вообще Ольга должна на неделю переселиться к ней, пока Марс с Плутоном – кто бы разобрал эту звездную дребедень! – не займут безопасное положение. Они съездили домой к Ольге, та забрала кое-какие вещи, одежду, а затем Ирина отправилась на Дворцовую.

Беспокоиться Ольга начала, когда подруга не вернулась в полночь. Телефон молчал. Ирина обещала не задерживаться и прийти сразу после представления, но мало ли что, думала Ольга. Познакомилась с кем-нибудь, уговорили прогуляться или пойти в ночной клуб... Не вернулась Ирина и утром. К полудню стало ясно: что-то случилось, но телефон Ирины к этому времени уже разрядился.

Ольга не находила себе места. Идти в полицию? Но кто ей поверит? У нее даже паспорта нет! Вторая ночь была еще страшнее. С трудом дождавшись утра, она собрала вещи и бросилась за помощью к единственному человеку, кто был в курсе ее проблем.

– Известно, что случилось с Ириной? – Артем настолько пришел в себя, что смог найти силы для первого вопроса.

– Да. – Брагин замялся и, бросив осторожный взгляд в сторону девушки, начал рассказывать.

Ольга, тут же прижав ладонь к губам, вышла в другую комнату.

Выслушав рассказ подполковника, больше похожий на скупой официальный отчет, Артем сполз с дивана и побрел в ванную. Не раздеваясь, сунул голову под холодный душ. Полегчало. По крайней мере, сейчас он хоть мог рассуждать и даже задать осмысленный вопрос.

– Значит, тот тип довершил начатое? – пробормотал он, вновь усаживаясь на диван.

– Пока сложно сказать.

Но, оказалось, на этот раз был не «тип». Участковый сдержал слово и нашел полицейских, которые видели ночью Ирину. Обратили на нее внимание потому, что она сидела на скамейке возле Адмиралтейства даже тогда, когда все разошлись. И сидела не одна, а с подругой. Женщину полицейский запомнил плохо, уже стемнело. В глаза бросилась лишь одна характерная деталь – светлые, почти белые волосы до плеч.

– А сегодняшний случай? Известно, кто погиб? – едва ворочая языком, спросил Артем.

– Пока нет, но мне должны сообщить.

Вернувшаяся из кухни Ольга принесла поднос с чаем.

– Только к чаю я ничего не нашла. – Она вопросительно взглянула на Артема, и тот замялся, вспоминая, осталось ли хоть что-то в пакете с печеньем. Нет, не осталось, пустой пакет он выбросил еще вчера.

– Ничего не нужно, – поняв замешательство Артема, сказал Брагин.

– Кстати, а есть ли какая-то связь между жертвами? кроме смайликов? Может, смайлики – просто обычное граффити? Мало ли их в Питере... – пробурчал Артем, принимая из рук Ольги чашку. К своему удивлению, он смог произнести целых три предложения и ни разу не сбиться.

Брагин укоризненно взглянул на него, словно говоря: «Стал бы я из-за обычного граффити напрягаться...» Артем смешался.

– Кто, кстати, первые две жертвы?

– Мы как раз об этом говорили с Оленькой перед самым твоим пробуждением. Давай-ка я еще раз расскажу все по порядку. Вдруг что-нибудь заметишь свежим взглядом?

Первая смерть произошла два месяца назад: в люксе «Кемпински» на Мойке горничная обнаружила труп французского бизнесмена Жан-Пьера де Вержи. День перевалил на вторую половину, табличка «не беспокоить» на дверях не висела, на стук никто не отозвался, и женщина вкатила в номер свою тележку со швабрами. Посреди гостиной на ковре лежало тело, уже порядком остывшее. Никаких сомнений в том, что жизнь давно покинула бизнесмена, не было.

Следствие поручили Брагину. На первый взгляд все выглядело так, будто причиной смерти француза стала диабетическая кома. В холодильнике стояла упаковка ампул инсулина, рядом с телом на ковре валялся шприц-ручка – ви-

димо, де Вержи стало плохо, но укол он сделать не успел. Судмедэксперт, делавший вскрытие, подтвердил предварительные выводы – уровень глюкозы в крови просто зашкаливал. Но обнаружилась еще одна пикантная подробность: организм француза содержал изрядное количество достаточно мощного стероида, который и стал причиной гипергликемической комы. В мусорном ведре лежали использованная ампула и шприц с отпечатками пальцев хозяина номера. Непонятно было другое: почему немолодой человек, давно болеющий диабетом, решился на столь опрометчивый шаг, как прием стероидов? Ведь наверняка знал – просто не мог не знать! – что диабет и стероиды несовместимы. И, главное, зачем вдруг совершенно неспортивному человеку далеко за пятьдесят понадобились стероиды?

Загадка стероидов вскоре получила более-менее внятное объяснение. Накануне горничная, та самая, что убирала номер, видела француза беседующим с местными проститутками. Не верить ей причин не было – женщина немолодая, рассудительная, в отеле работала недавно, однако была на хорошем счету. Но поднимать потенцию стероидами, да еще в зрелом возрасте... Впрочем, за годы работы в Следкоме Брагин встречал и не такие чудачества.

Судмедэксперт не обнаружил на теле де Вержи никаких следов насилия, а криминалисты не нашли следов присутствия в номере другого человека – только самого француза и горничной. Отпечатки пальцев как на шприце-ручке с ин-

сулином, так и шприце, которым вводили стероиды, принадлежали хозяину люкса. Казалось, все ясно как белый день, но что-то настораживало Брагина. Что именно – он и сам не понимал, просто интуиция опытного следака вдруг взбрыкнула, словно норовистый конь.

Брагин опросил персонал отеля, просмотрел записи с камер наблюдения, попросил техслужбу считать логи с электронного замка. За те два дня, что де Вержи прожил в «Кемпински», ничего необычного не произошло; кроме горничной к нему в номер никто не заходил. Если несчастный случай был инсценирован, то это могла сделать только она. Но представить пожилую уборщицу в роли киллера, способного ввести в заблуждение экспертов?.. Нет, логика тут решительно пасовала. Да и начальник службы безопасности «Рэдиссона», откуда она пришла в «Кемпински», отзывался о женщине хорошо.

Конечно, Брагина торопили с результатами. Дело было на контроле у «самого верха» – погибший оказался далеко не простым человеком. Но и допустить ошибку тоже было нельзя.

К следствию подключилась французская полиция. А вот она как раз не спешила, тщательно вникала во все мелочи, стараясь ничего не упустить. В первую очередь под ее прицелом оказались родственники бизнесмена, но после тщательной проверки их причастность была исключена. Столь же внимательно и с тем же результатом прошерстили де-

ловых партнеров и конкурентов концерна, принадлежащего бизнесмену. Французская полиция долго беседовала с главой службы безопасности концерна, но ситуация не прояснилась.

Французы создавали видимость открытости – информацией делились, на запросы отвечали. Так Брагин узнал, что им не удалось установить истинную причину поездки де Вержи в Санкт-Петербург. Службе безопасности и своим заместителям тот сказал, что отправляется по личным делам, а жене – что поездка будет деловой. Более того, жена сильно удивилась, узнав, что он отправился в Санкт-Петербург, откуда сама была родом.

В Петербурге де Вержи действовал довольно странно. За те два дня, что провел в городе, он успел пообедать со своим старым другом консульским атташе, посмотреть «Ромео и Джульетту» в Михайловском театре и посетить Эрмитаж. На деловой визит такая культурная программа явно не тянула. Тогда почему он не взял с собой жену? Брагин лично переговорил с атташе, однако тот не смог сообщить ничего интересного. Единственное, на что он обратил внимание, так это на психологическое состояние своего старого приятеля – де Вержи явно что-то тяготило. Во время встречи он часто замыкался в себе, отвечал невпопад и вообще был мрачен.

Шло время. От Брагина все чего-то требовали. Вдова – тело для похорон, руководство – результат, но предъявить начальству ему было нечего. Французы вскорости прекра-

тили расследование, чем вызвали недовольство родственников. Сын де Вержи даже дал достаточно резкое интервью «Ле Монд», где заявил, что собирается нанять частного детектива.

И вот когда Брагин уже почти решился закрыть дело, произошел прорыв: атташе решил заговорить. Что его заставило изменить показания, Брагин так и не понял. Впрочем, ничего конкретного тот не сказал, а домыслы к делу не пришьешь. По словам атташе, де Вержи приехал в Петербург, чтобы решить серьезную проблему: что-то или кто-то нанес его бизнесу и репутации серьезный урон, и бизнесмен собирался по-тихому уладить дело. Брагин бросился к начальству, прося дать еще время, но версия несчастного случая уже устроила обе страны.

– А смайлик? – напомнил подполковнику Артем.

В первый же вечер расследования Брагин обратил внимание на уборщика, оттирающего тротуарные плиты аккуратно перед самыми дверьми отеля – на граните светлой краской был нарисован смайлик странноватого вида. Подполковник тогда не придавал значения увиденному, просто машинально отложил картинку в памяти.

Второй смайлик Брагин углядел на фотографии с места преступления на столе следователя, которому передавал незавершенные дела. Именно тогда его и накрыло дежавю: однажды он уже видел подобное сочетание – труп и нарисованный смайлик. На этот раз смайлик, жирный, не полустер-

тый, красовался на гранитных плитах Зимней канавки, в которой плавало тело Феликса Зязикова – двадцатитрехлетнего оболтуса, приходящегося племянником депутату ЗАКСа.

Брагин опять бросился к начальству – посчитал, что дело Зязикова может пролить свет на смерть де Вержи. Еще, конечно, было желание доказать свою правоту в деле француза. Вот тогда ему и объяснили, что его поезд ушел. Что касается бывших коллег, то они не видели причин, почему бы не делиться с подполковником информацией после его увольнения. И вообще были не против его помощи, пусть и неофициальной. Однако, забегая вперед, можно сказать, что смерть Зязикова не только не пролила свет, но еще больше все запутала.

Судмедэксперт установил острую сердечную недостаточность, из-за которой Зязиков потерял сознание и захлебнулся. А когда возмущенные родственники, наперебой утверждая, что Феликс даже простудой не болел, потребовали повторной экспертизы, выложил список найденных в крови умершего веществ. В основном запрещенных.

Как и в случае с де Вержи, смерть Зязикова не выглядела насильственной. Накануне – алкоголь и наркотики. «Да что мы там выпили-то? – удивлялись приятели Феликса. – Он же почти трезвый был». На следующий день – кокаин, затем сильнейший препарат, который в качестве побочки вызывал скачки давления, потом «качалка» и завершающий штрих – вторая доза того же препарата. Такая дикая смесь просто

не могла не привести к потере сознания и сердечной недостаточности. Родственники клялись, что Феликс не принимал никаких лекарств, тем более сердечных, на сердце не жаловался, к врачам не обращался. Но ведь каким-то образом этот рецептурный препарат попал к нему в желудок?

Инструктор в тренажерном зале отметил, что в тот день Феликс явился на тренировку в отличном настроении и сразу начал хвалиться, будто только что познакомился с Анастасией Ананьевой. И не просто познакомился, а назначил свидание. А тем, кто не верил, тут же предъявил фоточки на телефоне. На снимке рядом с самодовольной физиономией Феликса действительно красовалась известная актриса. Затем Зязиков уселся на блочный тренажер, но прозанимался совсем немного – сказал, что нет настроения, – и отправился в бассейн. Потом его видели выходящим из хамама, почему-то бледного и непривычно молчаливого. «Жарковато сегодня», – пробормотал Зязиков, вытирая испарину. Дальше у следствия был пробел – что делал Зязиков вечером, установить не удалось. Но утром на следующий день его труп выловили в Зимней канавке между Первым Зимним и Эрмитажным мостами, где и утонуть-то невозможно – глубина не более полутора метров. При этом Зязиков почему-то был в рубашке, носках, но без штанов. Джинсы, трусы и ботинки, по-видимому, снятые им самим, валялись тут же на набережной. Джип Феликса нашелся у входа в ресторан недалеко от Зимнего моста, вот только самого Зязикова в ресто-

ране не видели. Когда и зачем молодой человек отправился к Зимней канавке – неизвестно. Единственная камера была выведена из строя.

Во всей этой истории Брагина заинтересовал эпизод знакомства Зязикова с Ананьевой – слишком уж необычно. Конечно, парень мог и приврать, но, оказалось, он говорил правду.

Ананьева, достаточно известная актриса, действительно в тот день приезжала в Петербург посмотреть спектакль бывшего сокурсника. Чтобы не зависеть от общественного транспорта, женщина взяла в аренду «тойоту». И эта серебристая «тойота» перед светофором въехала в зад зязиковского джипа. Видеорегиистратор «тойоты» сохранил весь инцидент от начала до конца – и как негодующий Зязиков, размахивая руками, вылетел из машины, и как потом под руку с Ананьевой отправился в ближайшее кафе – официант хорошо запомнил эту странную пару. Да, у Ананьевой была возможность подсыпать препарат Феликсу в чашку с кофе, только зачем? Чтобы не оплачивать разбитую фару, стоимость которой она, кстати, сразу же перевела на счет Феликса?

Вопросов было много, в частности, зачем парень отправился к Зимней канавке. Может, на свидание с актрисой? Однако та категорически отвергла подобное предположение: «Я?! Встречаться с каким-то Зязиковым? Да вы с ума сошли!» И еще: зачем Феликс снял брюки.

Копаясь в биографии Зязикова, Брагин пытался найти хоть какую-нибудь зацепку, связывающую парня с де Вержи, но не нашел ничего. Феликс, правда, в прошлом году отдыхал в Ницце, где у де Вержи была вилла, а дядя Зязикова курировал в ЗАКСе медицину и занимался закупками препаратов, в числе которых оказалась продукция концерна де Вержи, но представить нерадивого студента «серьезной проблемой», о которой говорил атташе, логика категорически отказывалась.

Чем больше Брагин узнавал о парне, тем никчемнее тот выглядел. Но, просеивая прошлое Зязикова сквозь мелкое сито, он нашел один любопытный эпизод, за который парню могли отомстить. Два года назад Феликс в невменяемом состоянии после адского коктейля из наркотиков и спиртного вылетел на пешеходный переход и насмерть задавил двух старшеклассников – парня и девушку. Следствие тянулось целый год и закончилось ничем – Зязикова оправдали. Если уж и был у кого зуб на парня, так только у родителей несчастных подростков. Но к смерти Феликса они не имели никакого отношения, Брагин все тщательно проверил.

Третьей жертвой должна была стать Ольга, которая совершенно не вписывалась в версию Брагина – ни единой ниточкой она не была связана с двумя предыдущими жертвами.

– Но ты ведь тоже актриса, как и Ананьева? – перебил подполковника Артем.

– При чем тут это? – нахмурился Брагин. – Эпизоды раз-

ные.

– Ну... – смутился Артем. – Просто обратил внимание. Ольга покачала головой.

– Где я, а где Ананьева. Мы из разных весовых категорий, у нее главные роли, известность, гонорары, а я только в крошечных эпизодах снималась. Да и не пересекались мы с ней ни в одном фильме.

– А с Зязиковым?

– И с Зязиковым тоже. Я о его существовании только сегодня узнала. На всякий случай: с де Вержи у меня тоже ничего не было.

– Да уж, загадка.

Артем взъерошил короткие волосы и потянулся. Живот тут же отозвался коротким урчанием.

– Может, заказать суши? – встрепенулась Ольга.

– Лучше пиццу, не люблю я эту еду бедняков, – фыркнул Брагин и усмехнулся, глядя на удивленные лица Ольги с Артемом. – Неужели не знали, что еще в прошлом веке суши в Японии ели бедняки, которые не могли позволить себе ничего существеннее?

– Согласен на пиццу. Да здравствует еда бедных итальянцев! – усмехнулся Артем.

Ольга занялась дозвоном в службу доставки, а Артем повернулся к подполковнику.

– Получается, что эти четыре случая объединяют только смайлики? Как-то маловато, не находите?

– Да, маловато, – грустно покивал Брагин. – Наверняка их объединяет что-то еще, помимо смайлика, только я пока не вижу.

– Кстати, почему именно смайлик? Насмешка типа «вам меня не достать»?

– Отдаленно напоминает кальку с событий в США. Там происходит нечто похожее. Прямо сейчас.

Брагин сделал паузу, но, посмотрев на две пары любопытных глаз, начал рассказывать.

Эта история началась в конце девяностых в маленьком городке Ла-Кросс, штат Висконсин. За несколько лет в местном университете погибли девять студентов. Все они утонули в водоемах Ла-Кросса, причем с октября по апрель, когда нормальному человеку и в голову не придет окунуться в ледяную воду. Все смерти были квалифицированы как несчастные случаи на воде, уголовное расследование не возбуждалось. Однако родственники погибших не верили выводам полиции, считая, что в каждом из девяти случаев имело место убийство. Тем более что трупы молодых людей находили в местах либо со стоячей водой, либо с минимальной скоростью течения. А поблизости на берегу был нарисован смайлик. Потом, когда дело получило общественный резонанс, стало ясно, что смертей гораздо больше – порядка сорока.

Во всех случаях жертвами становились молодые и успешные студенты из зажиточных семей, не имевшие стычек с за-

коном, гетеросексуалы. Никто из них не имел причин покончить с собою, никто не проявлял склонность к суициду. Напротив, исчезновения молодых людей происходили во время вечеринок в людных местах, где они отмечали успешную сдачу экзаменов, день рождения, помолвку. Они ни с кем не конфликтовали в этот день, последние видеозаписи запечатлели их вполне довольными собой и жизнью вообще. А спустя какое-то время их тела находили в воде. У многих в крови была обнаружена смертельная доза алкоголя, хотя друзья уверяли, что парни выходили с вечеринок почти трезвыми.

С годами убийцы стали смелее, если не сказать наглее. Некоторые случаи оказались просто поразительными. Вот один пример. Молодой человек позвонил подруге и попросил забрать его – он был без машины. Через две минуты девушка приехала на место, но парня там уже не было. Целый час она моталась по району, пыталась дозвониться до друга, однако его телефон оказался выключен. А через неделю труп молодого человека нашли в реке. Разбитый телефон обнаружился неподалеку от того места, откуда он звонил.

Брагин прервался – курьер принес пиццу. Попытку Артема расплатиться подполковник категорически пресек: «Не последний раз встречаемся. Заплатишь в следующий раз».

– Неужели никто ничего не видел? – спросил Артем, пока подполковник не начал рассказывать дальше. – А как же видеокамеры, регистраторы, треки джи-пи-эс на телефонах?

– А никак, – хмыкнул Брагин. – Никаких данных. Либо

камеры не работали, либо записи успели уже стереть, а телефоны почти всегда оказывались выключенными или разбитыми. Но даже если камеры и работали, то пользы от них вышло чуть. Вот тебе еще пример. Случай – мистика чистой воды. Молодой человек с подружкой отправился на футбольный матч. В перерыве вышел в туалет и на трибуну уже не вернулся. На телефонные звонки не отвечал. Когда закончилась игра, подруга обратилась к службе безопасности стадиона. Стадион обыскали, вот только человека нигде не обнаружили, хотя его машина стояла на парковке. Подняли видео с камер наблюдений. Оказалось, он спокойно ушел со стадиона. Рядом с ним никого не было. Куда направился – неизвестно, да полиция и не искала особо. А через несколько дней – труп в реке и смайлик на берегу неподалеку.

– И что в итоге?

– А ничего.

Подполковник откусил здоровенный кусок пиццы, прожевал и положил на стол смартфон.

– Но по сравнению с американским делом есть одна особенность. Посмотри фото, может, заметишь сам.

Артем пролистывал фотографии, Ольга пристроилась рядом и тоже смотрела на экран.

– Ну? Каков вердикт?

– Американские смайлики все разные, а наши будто нарисованы одной рукой, – заметил Артем.

Брагин одобрительно кивнул.

– У наших еще форма странная – две перекрещивающиеся дуги, а не обычный круг, – добавила Ольга.

Брагин кивнул во второй раз.

– И что это значит?

– Кто бы знал, – пожал плечами подполковник.

Беседа на время прервалась – все занялись пищей.

– Третьей жертвой должна была стать Ольга? – Артем изменил тему, вернувшись к сегодняшним проблемам.

Брагин кивнул.

– Да. И никакой связи с двумя предыдущими случаями. Конечно, можно попробовать набросать фоторобот нападавшего на нее на Удельной – я постараюсь принести программу, – но Оля говорит, что, кроме надвинутой на глаза бейсболки, мало что запомнила. Так?

Подполковник покосился на Ольгу, задумчиво крошащую корочку пиццы. Девушка слабо кивнула.

– А как насчет сегодняшнего случая? Кто эта женщина? – спросил Артем.

– Пока не знаю, но мне должны сообщить.

Ольга собрала недоеденные остатки и вышла на кухню. Брагин тут же подсел к Артему.

– Ты понимаешь, что домой ей нельзя, – торопливо зашептал он. – Рано или поздно выяснится, что вместо нее убита подруга, и убийца может повторить попытку. Что делать будем?

– Родственники-знакомые? Или в какой-нибудь отель? –

так же тихо предложил Артем.

– Не получится. Родные у нее в другом городе, а в отеле нужен паспорт, который, если помнишь, она отдала Ирине. – Брагин, еще больше понизив голос, продолжил: – Я бы мог приютить ее у себя, но у меня не сильно презентабельная холостяцкая берлога. Поедет ли?

Артем понял, что деваться некуда. Увяз он в этом деле по самое «не могу».

– Ладно, пускай остается, – вздохнул он, сообразив, к чему клонит подполковник.

– Я не хочу никого стеснять! – Ольга стояла на пороге комнаты. Упрямо вздернутый подбородок показывал, что она слышала их разговор. – И вообще я, пожалуй, пойду...

– Куда? – всполошился Брагин. – Нет-нет-нет!

Артем поднялся и подошел к девушке.

– Я уже сегодня хоронил тебя. Думаешь, из-за чего я напился? Тошно было. И мерзко. Корил себя за то, что не смог достучаться если не до разума, то хотя бы до твоего чувства опасности, считал, что в твоей смерти есть моя вина. Я не хочу пережить это еще раз. И в том, что погибла Ирина, – тоже я виноват. Хватит одной смерти.

– Спасибо. – Впервые за сегодняшний день Ольга слабо улыбнулась. Ее губы дрожали.

Незаметно на город опустился вечер. Брагин ушел. Артем достал надувной матрас, уступив тахту госте. При этом они чуть не поссорились – Ольга хотела остаться в кабинете

на диванчике. И лишь после того, как Артем заявил, что он по ночам играет на компьютере (больше ничего в голову не пришло), нехотя уступила. Ей все еще было неловко. Уходя на «свою» половину, она неплотно прикрыла дверь. И хотя здесь ей бояться было нечего, Артем понимал: вместе с темнотой вернулись и страхи. Он слышал, как она ворочается за стеной и тихонько плачет.

Он бросил матрас на пол – на бабушкином диванчике спать можно было только в позе эмбриона – и растянулся во все свои метр восемьдесят пять. Но сон не шел, и он достал папку Дальбана.

* * *

Сегодня французские власти обратились ко мне с просьбой помочь. Ни минуты не раздумывая, с чувством признательности я принял предложение. Моя жизнь в Париже была серой и никому не нужной. Мои знания, опыт, репутация здесь ничего не стоили. Я влачил бесцветное, жалкое существование вдали от близких, перебиваясь случайными заработками. В отличие от иных своих соотечественников я прибыл во Францию нищим, практически без средств. Единственным моим багажом, с которым после долгих мытарств я оказался на чужбине, были мои воспоминания.

Приходя вечером домой, в маленькую съёмную квартирку на окраине Париже, я садился в кресло и мыслями возвра-

щался в Россию, воскрешая в памяти прошлое. Перебирая раскрытые дела, я говорил себе, что жизнь прожита не зря. Я работал на Россию. С каждым пойманным вором, с каждым задержанным убийцей стараясь сделать ее светлее и чище. Эти мысли поддерживали меня в тяжелые эмигрантские дни. Я жил прошлым, настоящего и будущего для меня не существовало. Мне казалось, все кончено.

И вот теперь, стоя на набережной Сены и взглядываясь в ее мутные зеленоватые воды, я чувствовал, что прошлое вернулось...

Эта история началась октябрьским утром 1916 года (я временно исполнял обязанности помощника начальника сыскальной полиции Петрограда), когда на пороге моего кабинета возникла долговязая, сутулая фигура секретаря. Изогнувшись знаком вопроса, он зачастил:

– Петр Маркелыч, к вам девица Загоскина рвется, невеста Топилина. Висельника, что давеча схоронили на Охте. – Секретарь перекрестился – на Охтинском кладбище хоронили самоубийц и нехристей. – Прикажете просить или как?

Ответить я не успел, потому что в кабинет ворвалась сама Загоскина в огромной шляпе со страусовыми перьями. Загоскина рухнула на стул, жалобно скрипнувший под ее дородной фигурой. Из-под черной вуали послышались сдавленные рыдания. Крупные, совсем не женские руки принялись терзать батистовый платочек, казавшийся в них совсем крошечным.

Многолетний служебный опыт выработал у меня привычку терпеливо сносить дамские истерики. Я поднялся из-за стола, накапал успокоительного, плеснул воды из графина и протянул стакан Загоскиной. Она оттолкнула мою руку, потом все же приняла предложенное.

Я вернулся за стол и запасся терпением. Спрашивать, что привело девицу в управление полиции, казалось бессмысленным – визит наверняка касался смерти ее жениха. Для меня не было необходимости освежать в памяти подробности. Дело недавнее, я его хорошо помнил и не видел, чем могу помочь.

Жених Загоскиной господин Топилин имел славу человека хоть и знатного, но беспутного, и слыл одним из первых столичных ловеласов. На его совести осталась не одна соблазненная девица, не единожды он был вызван на дуэль, но история с Мими Вольской – дочерью вдовы полковника Вольского, урожденной графини Н., – взорвала даже привычное ко всему столичное общество. Как-то по-особенному жестоко обошелся с ней Топилин, и бедняжка повесилась. Брат Мими – совсем мальчишка, младше ее на пару лет – вызвал Топилина на дуэль. Стрелялись с тридцати шагов ранним утром в Сосновке. Вольский промахнулся, пуля пролетела рядом со щекой противника, лишь слегка оцарапав ее, зато Топилин попал в цель. Так графиня Н. лишилась обоих детей. Род Вольских пресекся. Говорили, что несчастная мать прокляла убийцу. Судачили о магии и колдовстве, к которым

она прибегла, об особом ритуале на могиле дочери, должном извести соблазнителя и убийцу... Но мало ли о чем болтают скачущие столичные кумушки.

На Топилина смерть Мими не произвела никакого впечатления, уже вскоре он нашел себе партию – вскружил голову дочери промышленника Загоскина, за которой давали приданое в двести тысяч и имение под Псковом. Дело шло к свадьбе, как вдруг счастливый жених неожиданно для всех повесился на крюке для люстры. Его нашли утром в квартире, которую он снимал на третьем этаже в доме купца Бубенцова. Тревогу забила невеста – Топилин обещал с ней встретиться, но не пришел.

Картина разворачивалась следующим образом. Постель разложена, шторы задернуты, тело в одном исподнем висит посреди комнаты. На столе – недопитая бутылка водки и один стакан. Заключение врача выглядело определеннее некуда: «Сам, все сам». Но для убитой горем девицы вывода старого и опытного доктора, повидавшего на своем веку столько трупов, сколько у нее и шпилек-то в шкатулке не найдется, значили немного.

– Это все она! Она Гришеньку извела! За дочь с сыном отомстила! – комкая платочек, выла Загоскина. – Разберитесь, ваше превосходительство, Христом богом прошу, господин начальник, не дайте злодейке уйти без наказания!

– Разумеется, сударыня, мой долг изобличить злодея, только у меня нет ни одного доказательства преступле-

ния, – скромно заметил я.

– Есть! – жарко перебила меня Загоскина. – Доказательство есть! Вдова главного юрисконсульта Министерства путей сообщения госпожа Деларова рассказывала, будто Вольская ей сама заявила, что не успокоится, пока не отомстит за дочь. И пусть ей потом гореть в аду. Да-да, прямо так и сказала! А жена присяжного поверенного Лосского намедни говорила, будто графиня искала помощи у известной гадалки, и та обещала свести ее с нужными людьми из фармазонов.

– Масонов, – машинально поправил я.

– Без разницы! – отрезала Загоскина, шмыгнув носом. – Все одно – нехристи и злодеи. А как только Гришеньку убили, так Вольская ни с кем больше словом не перемолвилась, как воды в рот воды набрала.

В Петрограде уже с полгода ходили слухи о тайном обществе, секте убийц, которым удавалось творить злодеяния, оставаясь в тени. Но, во-первых, мифические тайные общества проходили не по моей части, мне хватало вполне реальных воров и душегубов, а во-вторых, для мартинистов, иллюминатов и прочих теософов в полиции выделили специальный департамент. Заниматься слухами мне было не с руки, хватало насущных проблем. Но сказал я другое:

– Напрасно, голубушка, вы придаете значение всяким слухам, обычно они вздорны, но я обещаю вам разобраться.

С этими словами я вызвал секретаря, который прово-

дил девицу Загоскину к выходу. Затем отдал распоряжение следователю проверить сказанное. Не то чтобы слова несчастной невесты заронили во мне сомнения: представить, будто графиня – женщина пожилая, степенная – силой загнала молодого здорового мужчину в петлю, я не мог. Кроме графини у незадачливого жениха хватало недоброжелателей – обманутых им девиц числилось немало. Да и промышленник Загоскин – отец невесты, человек жесткий и физически крепкий – вполне мог приложить руку, придавив дочкину зазнобу, дабы предупредить ее дальнейшие разочарования в супружнике. Только все эти измышления выглядели излишними: самоубийство не вызывало сомнений. Следствие было проведено со всем тщанием, на какое только способен столичный сыск.

Но я еще раз просмотрел материалы расследования. На всякий случай.

Топилин вернулся домой около семи вечера, после этого часа к нему никто не входил. Хозяйка квартиры жила в этом же доме на втором этаже, и пройти к жильцу на третий этаж так, чтобы она осталась в неведении, считалось совершенно невозможным. Хозяйка клялась, что услышала бы скрип ступеней даже во сне, спала она чутко. Дворник находился в дворницкой безотлучно, заперев черный ход на ночь. Остальные жильцы тоже никого не видели. Окна квартиры плотно закрыты, и открыть их снаружи не представлялось возможным. На всякий случай следствие опро-

сило всех жильцов дома. Алиби оказалось у всех, правда, к жильцу на третьем этаже днем приходил господин Шталь, но когда они закончили с делами и Шталь ушел, Топилин еще не вернулся. Будучи допрошен, Шталь утверждал, что с Топилиным в знакомстве не состоял, а больше никто из посторонних в дом не входил.

С чистым сердцем я оставил это дело, погрузившись в расследование других преступлений, требующих безотлагательного внимания. А вскоре меня срочно вызвали в Егоровские бани.

На Большом Казачьем переулке перед зданием бани дежурили двое городских. Завидев меня, один тут же бросился ко входу и с силой забарабанил кулаком в дверь.

– Открывай, его высокоблагородие прибыли! – зычно рявкнул он.

– Запёрли, – с упором на букву «ё» добавил другой, распахивая передо мной дверь, – а то ведь сбегут, пока суть да разбирательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.